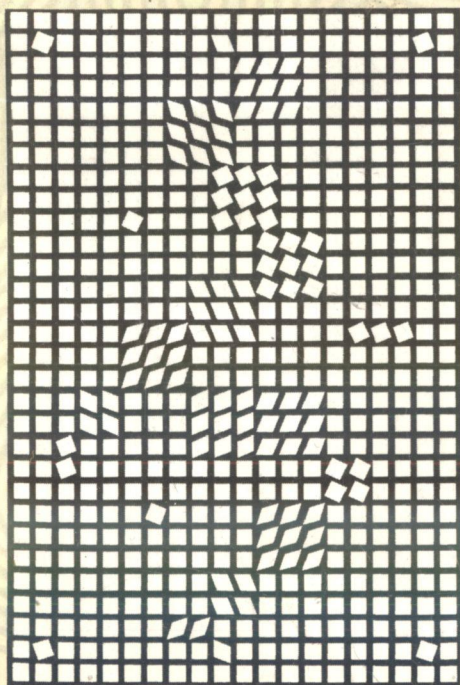

S E R I E S M I N O R

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ЧАСТЬ И ЦЕЛОЕ
В РУССКОЙ
ГРАММАТИКЕ

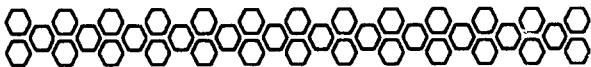

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

STUDIA PHILOLOGICA

SERIES MINOR

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ЧАСТЬ И ЦЕЛОЕ
В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

ББК 63.3(2)4-3в6
У 77

Успенский Б. А.

У 77 Часть и целое в русской грамматике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 128 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Series minor.).

ISSN 1727-1649

ISBN 5-9551-0043-1

Задача книги — показать наличие в русском языке на глубинном уровне общей грамматической категории, объединяющей имя и глагол. Семантика этой категории определяется отношениями части и целого, и ее можно назвать категорией партициптивности. Она латентно присутствует в языке и может актуализоваться в разных фрагментах его структуры. Особое внимание уделяется так называемым «вторым» падежам русского языка — второму родительному и второму предложному.

ББК 63.3(2)4-3в6

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© Б. А. Успенский, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

Оглавление

<i>От автора</i>	9
Глава I. Часть и целое в имени: отношения падежных и числовых значений в формах единственного числа	11
§ 1. Второй родительный падеж: обозначение части, вычленяемой из целого	11
§ 2. Маркированность второго родительного падежа по отношению к первому родительному	13
§ 3. Противопоставление первого родительного и второго родительного падежа как противопоставление количественной и качественной характеристики. Понятие «реляционного» падежа	15
§ 4. Семантика слов, которые имеют второй родительный падеж: обозначение субстанции, которая поддается произвольному членению на однородные части. Отсутствие у этих слов формы множественного числа	18
§ 5. Позиционно связанное употребление второго родительного падежа: сочетание с предлогами <i>с, от, из, после</i> и <i>до</i>	19
§ 6. Позиционно связанное употребление второго родительного падежа: сочетание со служебными элементами, выражающими отсутствие или отрицание (предлог <i>без</i> , частицы <i>нет</i> или <i>ни</i>)	23

Глава II. Часть и целое в имени: отношения падежных и числовых значений в формах множественного числа	27
§ 1. Винительный и предложный падежи множественного числа: конструкции типа <i>пойти в солдаты, служить в солдатах</i> . Семантическая характеристика существительного в конструкциях такого рода	27
§ 1.1. Аналогия между подобными конструкциями и конструкциями со вторым родительным падежом	29
§ 1.2. Сходные случаи употребления винительного и предложного падежа множественного числа	32
§ 2. Родительный и винительный падежи множественного числа	35
§ 2.1. Обозначение парных предметов.....	38
§ 2.2. Сочетание существительных, обозначающих лицо, с собирательными числительными <i>двое, трое, четверо</i>	39
§ 2.3. Сочетание числительных с названиями единиц измерения	40
§ 3. Именительный падеж множественного числа	42
§ 4. Две концепции множества и их грамматическое выражение в русском языке.....	42
Глава III. Часть и целое в глаголе	46
§ 1. Итеративные формы и обозначение прошедшего времени.....	46
§ 2. Итеративные формы в перфектном значении.....	50

§ 3. Семантика несовершенного вида: обозначаемый процесс может пониматься как последовательность изолированных действий или состояний.....	52
§ 4. Конструкции с отрицанием: слова, нормально выражающие однократность или многократность действия, в отрицательной конструкции меняют свое значение на противоположное.....	55
§ 5. Аналогия между глагольными и именными значениями. Категория партитивности как общая грамматическая категория, объединяющая имя и глагол	57
Экскурс. Замечания о втором предложном падеже	63
Примечания.....	75
Цитируемая литература	111

От автора

Эта книга посвящена современному русскому языку, но в ряде случаев мы будем приводить примеры из авторов XIX в., цитируя архаические формы, сейчас неупотребительные. Сопоставление их с другими (употребительными) формами позволяет понять тот семантический нюанс, который обусловил их появление в тексте. Следует оговориться, что в центре нашего внимания находится речь старшего поколения, которая может в каких-то случаях не соответствовать узусу более молодых носителей языка.

Главы книги делятся на параграфы. При перекрестных ссылках мы указываем номер главы римской цифрой, параграфа — арабской; таким образом, например, обозначение § III—1 отсылает к § 1 главы III, обозначение § II—1.1 — к § 1.1 главы II, и т. п. Параграфы, в отличие от глав, не имеют названий, но их содержание раскрыто в оглавлении. Примечания имеют сквозную нумерацию по всему тексту книги.

Текст в квадратных скобках, а также разрядка и многоточие в цитатах всегда принадлежат автору настоящей работы (а не автору цитируемого текста).

Часть и целое в имени: отношения падежных и числовых значений в формах единственного числа

§ 1. В русской грамматике наряду с основным родительным падежом принято выделять так называемый второй родительный или партитивный падеж, ср.: *пачка чаю* (наряду с *пачка чая*), *дай мне чаю* (наряду с *дай мне чая*) и т. п. Он образуется от ограниченного набора слов (обозначающих неодушевленные существительные) и не имеет формы множественного числа. Второй родительный падеж морфологически совпадает с дательным падежом соответствующего слова (он образуется только от существительных мужского рода и имеет окончание *-у / -ю*), но синтаксически — по своему употреблению — соотносится со стандартным родительным падежом. Таким образом, второй родительный падеж имеет особое грамматическое оформление, не имея при этом особого морфологического оформления¹.

Собственно родительный падеж, поскольку он противопоставляется второму родительному, может называться первым родительным².

Общее значение второго родительного падежа — это значение *Genetivus partitivus*, т. е. значение принадлежности к целому, причастности: слово в этом падеже представлено как часть, вычленяемая

из целого. Такое значение может, вообще говоря, выражаться и первым родительным падежом. Специфика второго родительного состоит в том, что целое мыслится как совокупность качественно однородных частей, которая может члениться произвольным образом; иначе говоря, речь идет о части какой-то субстанции (подробнее об этом будет сказано ниже). Таким образом, в основе семантики второго родительного падежа лежит отношение части и целого.

Однородность выражается в том, что любая часть, вычленяемая из целого, обозначается в языке — вообще в языке, а не только в данной конструкции — тем же образом, что и само целое; итак, речь идет о качественно однородных частях, которые могут быть разными по своему количеству.

Так, например, любая порция чая называется тем же именем, что и целое, т. е. словом *чай* (в любом случае мы можем сказать: «это чай»). В то же время не каждая произвольно вычленяемая часть из совокупности объектов, которую мы называем словом *книги*, может быть названа таким образом: мы можем вычленить одну книгу, и нам придется употребить в этом случае форму единственного числа (*книга*). Если при образовании множественного числа целое предстает как совокупность объектов, признаваемых в некотором отношении идентичными (например, множество книг, обозначаемое словоформой *книги*, представляет собой любую совокупность вида: *книга* + *книга*..., и т. д.), — то в данном случае целое предстает как исходное, а не производное понятие (по отношению к своим составляющим). Итак, речь идет в данном случае не об образовании целого из частей, которые его составляют, а о вычленении части из целого.

Именно это значение и выражается формой второго родительного падежа: слова, от которых образуется второй родительный падеж, обозначают нечто, что может быть разделено на части произвольным образом — так, что любая часть называется так же, как и целое. Иначе говоря, любая часть, вычленяемая из целого, в этом случае может метонимически обозначать целое.

Очень точную формулировку мы находим у Ломоносова: «[Имена], коими материя, на неопределенная части разделяемая, знаменуется, имеют родительный на у»³. Ср. также определение Шахматова: «Сюда относятся исконно слова со значением вещественным и собирательным, не подлежащим счету в составных своих частях»⁴.

§ 2. По своему употреблению второй родительный падеж оказывается маркированным по отношению к первому родительному: первый родительный падеж имеет более общее значение, которое покрывает значение второго родительного; другими словами, второй родительный падеж имеет более специальное значение, которое не противоречит значению первого родительного.

Отсюда, как правило, форма второго родительного падежа может быть заменена на форму первого родительного без какого-либо ущерба для смысла⁵. Напротив, форма первого родительного отнюдь не всегда может быть заменена на форму второго родительного. Таким образом, на семантическом уровне противопоставление первого родительного и второго родительного падежей предстает как «привативная» (а не «эквиполентная») оппозиция⁶: когда мы употребляем форму второго родительного падежа, мы имеем в виду нечто, что может выражаться и соответствующей фор-

мой первого родительного падежа; соответственно, употребление формы первого родительного падежа не означает в этом случае отсутствия данного смысла (при том, что употребление формы второго родительного падежа обязательно этот смысл выражает). Так, фраза *дай мне чаю* имеет более частный смысл, чем *дай мне чая*: *дай мне чая* может означать то же, что *дай мне чаю*, но обратное неверно.

Здесь необходимо сделать следующую оговорку. В отдельных случаях в языке представлена лишь форма второго родительного, но отсутствует соответствующая форма первого родительного. Такие случаи не противоречат, однако, утверждению о маркированности второго родительного падежа по отношению к первому родительному — постольку, поскольку дело идет в подобных случаях о дефектных парадигмах, когда форма первого родительного отсутствует в парадигме соответствующего слова. Так, например, мы можем сказать *чайку́* (второй родительный от слова *чаёк*), но не можем сказать **чайка́* (т. е. не можем образовать форму первого родительного от данного слова). Это объясняется тем, что форма *чайку́* непосредственно образована не от *чаёк*, а от *чаю́*⁷. Иначе говоря, деривативная история данной словоформы (*чайку́*) выглядит не как *чай > чаёк > чайку́*, но как *чай > чаю́ > чайку́*. Наличие в языке формы *чайку́*, образованной от *чаю́* (с сохранением семантики второго родительного падежа), препятствует, очевидно, образованию формы **чайка́* от *чаёк*.

Вообще, если в каких-то случаях возможность замены формы второго родительного падежа на соответствующую форму первого родительного может вызывать сомнение, то это объясняется не смысловым противопоставлением падежных форм, а какими-то другими причинами⁸.

§ 3. Из вышесказанного следует, что второй родительный возможен лишь у слов определенной семантики: как правило, это слова, в значении которых так или иначе имплицирована идея количества, т. е. обозначающие нечто, чего может быть много или мало. Так, например, выражение *недостаток чаю* непременно означает количественный недостаток, если же слово *недостаток* относится к качеству, мы должны сказать *недостаток чая*⁹. Равным образом мы можем сказать *качество коньяка*, но никак не **качество коньяку*; в то же время можно сказать как *количество коньяка*, так и *количество коньяку*. При этом выражение *количество коньяку* означает ту или иную порцию коньяка, тогда как в выражении *количество коньяка* слово *коньяк* может не иметь такого смысла (как, например, во фразе *привезли большое количество коньяка*)¹⁰: в первом случае слово *количество* обозначает часть, вычленимую из целого, во втором случае оно может обозначать общее количество, т. е. само целое¹¹.

Вообще при употреблении второго родительного часть, вычленимая из целого, может противопоставляться другой части лишь в количественном, но не в качественном отношении. Так, например, одна порция чая может противопоставляться по своему количеству другой порции, и мы можем сказать *дай мне побольше чаю*, но при этом едва ли скажем **дай мне другого чаю*, если имеется в виду качество чая, а не его количество: скорее мы скажем *дай мне другого чая*¹². Соответственно, употребление второго родительного в принципе не допускает спецификации. Как отмечает Шахматов, «индивидуализация или конкретизация вещественных понятий ведет за собой появление окончания *-а* [т. е. окончания первого родительного]: “лес состоит из ельника и березника”, “очистить лес

от *хвороста*”, “он вышел из простого *народа*”, “предание русского *народа*”»¹³. «Если при существительном стоит определение, то вместо формы на у мы часто видим форму на а», — констатирует В. И. Чернышев, приводя характерный пример из Салтыкова-Щедрина: «Сколько капитал этот мог приносить в год *доходу*, сколько она могла из этого *дохода* тратить...» («Господа Головлевы»)¹⁴. По словам Д. С. Ворты, существительное во втором родительном падеже характеризуется отсутствием внутренней семантической дифференциации: «“Цветы без *запаху*” лишены запаха как такового (абсурдным был бы вопрос: “Какого рода запаха (запахов) у них нет?”), тогда как в предложении “в букете не было цветов без сладкого или горького *запаху*” цветы внутренне дифференцированы по своим отличающимся друг от друга ароматам»¹⁵.

В основе противопоставления первого родительного и второго родительного падежа лежит, таким образом, противопоставление количественной и качественной характеристики (при том, что само противопоставление первого родительного и второго родительного имеет, как уже отмечалось, привативный, а не эквиполентный характер). Во фразах *дайте чая*, *пачка чая* слово *чая* прежде всего противопоставлено другим словам, возможным в данном контексте, например, *кофе*, *соку*, *воды* (в случае *дайте чая*), *табака*, *сахара* и т. п. (в случае *пачка чая*). Иначе говоря, чай противопоставлен в этом случае не-чаю — тому, что чаем не является. Поэтому при противопоставлении нормально выступает форма первого родительного: *дайте чаю*, но *дайте чая*, а не *кофе*. Акцент делается при этом на противопоставлении чая и не-чая.

Чай и кофе, чай и сок, чай и табак — вообще чай и не-чай — противопоставлены в языке как качественно разные объекты, различающиеся по своим характери-

стикам; тем самым они обозначаются разными словами. Форма *чая* (как и форма *чай* в именительном падеже, *чаю* в дательном, *чаем* в творительном и т. п.) выражает это противопоставление, т. е. выражает качественную характеристику.

Между тем форма *чаю* выражает прежде всего количественную характеристику. Словоформа *чаю* непосредственно противопоставлена не другим словам, возможным в данном контексте (т. е. не словам, обозначающим кофе, сок, табак и т. п. — вообще не-чай), а словоформе *чая*. Таким образом, форма *чаю* выражает качественную характеристику не непосредственно, но опосредствованно — через отношение к форме *чая*.

Поэтому, когда речь идет о качественном противопоставлении разных видов чая — что выражается при помощи специфицирующего определения, — форма второго родительного оказывается неуместной. То же происходит и при индивидуализации, поскольку индивидуализация в принципе предполагает вообще качественное противопоставление.

Можно сказать, что второй родительный падеж имеет вторичное, реляционное значение по отношению к первому родительному. Отношение слова, представленного во втором родительном падеже к обозначаемому им предмету или явлению, выражается не непосредственно, но через отношение к слову, представленному в стандартном родительном падеже, т. е. в первом родительном. Если в обычном случае слово в падежной форме непосредственно обозначает некоторый предмет или явление, то в данном случае обозначение осуществляется опосредствованно: иначе говоря, имеет место вторичная референция (референция осуществляется через соотнесение с соответствующей формой первого родительного падежа). Ос-

новные падежи русского языка — такие, как именительный, первый родительный, дательный, винительный, творительный или первый предложный, — обозначают тот или иной предмет или явление непосредственно; реляционное значение, т. е. значение вторичной референции, характеризует второй родительный и второй предложный падеж (хотя в случае второго предложного свойство реляционности проявляется менее последовательно)¹⁶. Мы можем вообще определить второй родительный как «реляционный» падеж; что же касается второго предложного, то он, по-видимому, был в свое время «реляционным» падежом, но в настоящее время является им лишь в некоторых своих функциях (о втором предложном мы специально говорим в Экскурсе к настоящей работе).

§ 4. Итак, слова, которые имеют второй родительный падеж, в принципе обозначают нечто, чего может быть много или мало. Вместе с тем это обычно слова, выражающие идею множества, которое не распадается на отдельные объекты, но может произвольно члениться на субстанционально однородные части — так, что любая часть множества оказывается качественно однородной целому. Сюда относятся прежде всего слова со значением вещественным (обозначения веществ, материалов, видов пищи и т. п.) или же собирательным; вместе с тем сюда могут относиться и слова, обозначающие абстрактные понятия, ср., в частности, такие слова, как *народ, сброд, визг, крик, холод, мороз, долг, доход, штраф, бред, вздор, толк, юмор, порядок, риск, лоск, шик* и т. п.¹⁷ Следует иметь в виду при этом, что абстрактные понятия могут трактоваться в языке как своего рода вещество¹⁸; обобщая, можно сказать, что слова, имеющие форму второго родительного падежа, обозначают некую с у б с т а н ц и ю¹⁹.

Собственно поэтому формы второго родительного падежа и представлены исключительно в парадигме единственного числа. Более того: у слов, от которых образуется второй родительный падеж, может вообще отсутствовать форма множественного числа (не только в данном падеже, но во всей парадигме слова); если же такая форма есть, она обычно имеет особое лексическое значение, не соотносящееся с тем значением, которое представлено в форме второго родительного; исключения составляют слова, у которых форма второго родительного падежа появляется в сочетании с предлогом, а также со словами отрицания (см. ниже, § I-5 и § I-6). Так, например, у слова *народ* есть форма множественного числа *народы*, однако это не то же, что *много народа* или *много народу*: в первом случае слово *народ* выступает как элемент множества разнородных (различаемых) объектов, во втором случае — как целое (сплошная масса), из которого может быть вычленена та или иная часть. То же относится к словам *чай*, *визг*, *крик*, *холод*, *мороз*, *долг*, *доход*, *штраф*, *толк* и т. п. Таким образом, слова, имеющие форму второго родительного падежа (не в предложных конструкциях и не в конструкциях с отрицанием), как правило, могут рассматриваться как *singularia tantum*²⁰. Следует отметить, однако, что в некоторых случаях эти слова могут выступать в форме множественного числа, которая предстает при этом в особом значении обобщенного (нерасчлененного) множественного; мы обсудим этот вопрос ниже (см. § II-1.2).

§ 5. Наряду с этим, второй родительный падеж появляется в сочетании с предлогами *с*, *от*, *из*, *после*, причем соответствующие словоформы имеют в этом случае аблативное значение, т. е. значение отделе-

ния от чего-либо (ср.: *из дому, с краю, раз от разу, с первого разу, после чаю*); равным образом этот падеж может управляться предлогом *до* — в том случае, когда имеется в виду идея инкорпорации, в к л ю ч е н и я во что-то (ср.: *до дому*)²¹. Очевидно, что во всех этих случаях актуальным является отношение части и целого²².

Если в беспредложном сочетании образование формы второго родительного падежа возможно лишь у слов определенной семантики (которая была охарактеризована в § I-4), то в сочетании с предлогами соответствующие семантические характеристики приписываются (т. е. усваиваются *ad hoc*) существительному, представленному в форме второго родительного. В этом случае такого рода семантика характеризует не слово как таковое (слово в языке), но слово в данной конструкции (слово в тексте): она относится не к парадигматике, а к синтагматике, выступая как синтагматически обусловленное явление. Поэтому к предложным конструкциям не относится сформулированное выше (§ I-4) замечание об отсутствии у слов, от которых образуется второй родительный, формы множественного числа: слова, которые в сочетании с предлогами предстают в форме второго родительного, могут иметь в своей парадигме формы множественного числа, имеющие то же лексическое значение, что и во втором родительном (и, следовательно, не выступают как *singularia tantum*).

В подобных случаях обозначаемый предмет или явление трактуется как субстанция, любая часть которой выступает как представитель целого. Это относится, например, к таким словам, как *дом* или *нос*, которые окказионально получают именно субстанциональное значение: *из дому* означает 'из какой-то части дома, которая представляет дом как целое'; *из*

носу означает 'из какой-то части носа, которая представляет нос как целое', и т. п.

Возражая О. И. Сенковскому, который критиковал Гоголя за употребление формы *из носу*, Белинский писал о словах *нос, шум, ветер, дым*: «Как природный русский, знаю достоверно, что слова эти в русском языке принимают в родительном падеже окончание равно *а* и *у*, а когда которое именно, то это слышит ухо природного русского, слышит — и никогда не обманывается. Всякий русский скажет, как у Гоголя: “Волос, вылезший *из носу*”, и ни один русский не скажет: “Волос, вылезший *из носа*”. Точно так же следует говорить “порывы *ветра*”, а не “порывы *ветру*”» («Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке») ²³. Вообще говоря, Белинский не вполне точен: сказать можно было и так, и так (у того же Гоголя, как мы увидим, можно встретить форму *из носа*), но с разными семантическими обертонами; как бы то ни было, мы можем понять его аргументацию. Сказать *из носу* может казаться более естественным, т. к. в этом случае подчеркивается принадлежность волоса к соответствующей части носа, метонимически представляющей при этом нос как целое; тем самым в конечном итоге имеет место характеристика носа как такового (а не волоса!). Иначе говоря, волос трактуется в данном случае как органическая часть носа (подобно, например, бородавке на носу и т. п.); напротив, во фразе *из носа* волос может пониматься как нечто, от носа отделенное и существующее от него независимо (в принципе речь может идти, например, о волосе, выпавшем из носа), ср. в «Мертвых душах» (гл. VI): «...вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что у него *из носа* выглянул весьма некартинно табак» ²⁴. В этом последнем случае волос (как и табак)

рассматривается сам по себе, обособленно от носа; между тем в первом случае утверждается (или подчеркивается) именно связь волоса с носом — волос и нос трактуются при этом как единое целое, составляющее общий зрительный образ (и волос, тем самым, оказывается частью этого образа). Итак, выражение *волос из носу* сообщает нам характеристику носа, тогда как в выражении *волос из носа* акцент делается на характеристике волоса (волос из носа может противопоставляться при этом волосу, растущему в другом месте)

Характерно в этом смысле описание Сильвио у Пушкина в «Выстреле»: «Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий *изо рта*, придавали ему вид настоящего дьявола»²⁵. Можно было сказать «дым, выходящий *из рта*», но Пушкин предпочитает в данном случае форму *изо рта*²⁶. Дым, выходящий из трубки, представлен здесь как дым, клубящийся во рту, как если бы он был неотделим от рта, — что и отвечает облику дьявола.

Правка Достоевского свидетельствует о том внимании, которое он придавал этому противопоставлению²⁷. Так, в первой (краткой) черновой редакции «Преступления и наказания» при описании кошмара Раскольникова говорится: «Проснулся я в полные сумерки от ужасного крика» (рассказ в черновой редакции ведется от 1-го лица); форма первого родительного (*крика*) сохраняется во второй (пространной) черновой редакции: «Я очнулся в полные сумерки от ужасного крика»²⁸; между тем в окончательной редакции читаем: «Он очнулся в полные сумерки от ужасного крику»²⁹. Далее — в том же эпизоде — в первой (краткой) черновой редакции находим: «...то возвышая речь до крику, то понижая до *шепота*», во второй же (пространной) черновой редакции Достоевский

правит *шепота* на *шепоту*: «...то возвышая речь до крику, то понижая до *шепоту*»³⁰; такой вариант представлен и в окончательной версии. Фраза «очнулся (проснулся) от ужасного крика» говорит о качестве крика; между тем во фразе «очнулся от ужасного крику» представлена характеристика не только самого крика, но и его восприятия: до героя доносится крик, он слышит его лишь отчасти, но то, что он слышит, относится к ужасному крику. Речь идет, следовательно, не о крике во всем его объеме, но о той части, которая оказывается воспринятой героем. Фраза «понижая речь до *шепота*» характеризует манеру речи героя, констатирует, что он говорил шепотом; между тем фраза «понижая речь до *шепоту*» характеризует именно изменение громкости речи — то, что он доходит до шепота, останавливаясь на этой границе. Образно говоря, в одном случае речь идет о части крика, в другом — о части шепота.

§ 6. То же может быть сказано и о сочетании второго родительного с предлогом *без*, а также с частицами *нет* или *ни* — во фразах, означающих отсутствие чего-то. Общее значение второго родительного в подобных конструкциях — обычное, т. е. партитивное³¹. В такого рода случаях имеет место не просто констатация отсутствия явления, о котором идет речь, но констатация отсутствия какой-либо его части или какого-либо его признака или характеристики: отношение признака к явлению в сущности аналогично отношению части и целого. Так, можно сказать *без носа* и *без носу* (обе формы встречаются, например, у Пушкина) или же, соответственно, *нет носа* и *нет носу*. В одном случае просто утверждается отсутствие носа, в другом случае отрицается наличие чего-либо, позволяющего говорить о носе. Иначе говоря, в одном случае

имеет место непосредственное отрицание обозначенного явления, т. е. утверждается отсутствие явления как такового; в другом же случае отсутствие явления выражается через отрицание какой-либо части, способной метонимически представлять это явление. Итак, в последнем случае отрицание целого выражается не непосредственно, а опосредствованно — через отрицание части, принадлежащей этому целому.

Вот, например, мы читаем в пушкинской эпиграмме:

Лечись — иль быть тебе Панглосом,
Ты жертва вредной красоты —
И то-то, братец, будешь с носом,
Когда *без носа* будешь ты³².

Выражение *без носа* противопоставляется здесь выражению *с носом*, т. е. наличие данного явления противопоставлено его отсутствию³³; в этом контексте форма *без носу* едва ли была бы уместна. Ср. также в «Капитанской дочке» (гл. VI) описание башкирца, схваченного с пугачевскими возмутительными листами: «У него не было *ни носа ни ушей*»³⁴ — форма первого родительного имеет здесь то же значение.

Вместе с тем в «Путешествии в Арзрум» (гл. II) о татарине-банщике говорится: «Я должен признаться, что он был *без носу*»³⁵. В одном случае (*быть без носа*) утверждается отсутствие данного предмета (носа), в другом (*быть без носу*) отрицается присутствие этого предмета или, говоря точнее, отрицается присутствие чего-либо, позволяющего говорить о нем. Обе формы встречаем у Пушкина — в близком соседстве — в «Джоне Теннере»: «...не долго будут смеяться над потерю моего *носа*» и «...он оставил свои злобные намерения и решился как-нибудь обойтись *без носу*»³⁶.

То же самое выражается в русском языке конструкцией с двойным отрицанием: фраза *Я никого не встретил* выражает отрицание кого-либо, кого бы я встретил, т. е. соответствует по значению английской фразе *I did not meet anybody*. Между тем фраза *I met nobody* имеет другую модальность: в одном случае отрицается наличие кого-то, в другом — утверждается отсутствие. Действительно, слово *nobody* предстает как знак с незаполненным (нулевым) содержанием, т. е. обозначающий пустое множество; в данном случае утверждается именно наличие этого пустого множества³⁷.

Мы можем сказать: «Он туда и *носа* не кажет», и это означает, что человек, о котором идет речь, не появляется в данном месте — настолько, что даже нос его там не показывается (например, в дверную щелку). Если же мы скажем «Он туда и *носу* не кажет», та же общая ситуация описывается еще более выразительно: мы говорим не только о самом носе данного человека, но и о любой части носа, которая представляла бы нос как целое. В сущности, здесь тот же смысл, который представлен в выражении *ни шагу назад*: это выражение относится к любому движению, которое могло бы восприниматься как шаг. Совершенно так же «*носу* не кажет» относится к любой части носа, которая могла бы восприниматься как нос³⁸. Как шаг, так и нос трактуется как целое, которое может произвольным образом члениться на однородные части — так, что каждая часть может метонимически представлять целое. Таким образом, в данной конструкции на слово *нос* переносятся семантические характеристики тех слов, которые вообще — в языке, а не в тексте — имеют второй родительный (иначе говоря: данному слову окказионально усваиваются семантические характеристики тех слов, в парадигме

которых представлен второй родительный). Речь идет не о носе как таковом, но, так сказать, о субстанции носа, о материале, из которого он сделан. Как говорит цирюльник Иван Яковлевич у Гоголя в повести «Нос», «хлеб — дело печеное, а нос совсем не то»³⁹; в интересующих же нас случаях нос уподобляется именно хлебу или чаю и т. п., т. е. всему тому, что поддается произвольному членению на качественно однородные части.

Часть и целое в имени: отношения падежных и числовых значений в формах множественного числа

§ 1. Д. С. Ворт обратил внимание на семантическое сходство между конструкциями со вторым родительным падежом и конструкциями типа *пойти в солдаты, постричься в монахи* или *служить в солдатах, быть в монахах* и т. п., где предлог *в* выступает в сочетании с существительным во множественном числе — в винительном или предложном падеже (винительный падеж выражает при этом переход лица в определенное состояние, означающее социальную роль, предложный — пребывание в этом состоянии)⁴⁰; ср. также аналогичные конструкции с предлогом *из* (*происходить из солдат, выйти из монахов* и т. п.)⁴¹. Подобные конструкции возможны лишь в том случае, если речь идет о людях или, говоря точнее, о личных объектах⁴², которые объединяются той или иной социальной ролью (в частности, характеризуются тем или иным видом деятельности).

В такого рода конструкциях существительное во множественном числе означает некоторую социальную группу, которая предстает как совокупность однородных объектов. Как полагает Ворт, «слова *солдаты* и *монахи* выступают в данном случае не в значении ‘множество солдат’, ‘множество монахов’, но как

обозначения отдельных, нечленимых объектов: родов деятельности, “солдатства” и “монашества”»⁴³. Мы сказали бы, что речь идет не столько о нечленимых объектах, сколько о произвольно членимой совокупности объектов (лиц), представленной как единое целое. На наш взгляд, существительное во множественном числе имеет референтом в данном случае не вид деятельности как таковой, но общую совокупность лиц, объединенных по данному признаку, которая трактуется именно как целое: речь идет о принадлежности к некоему целому (к социальной группе). Иначе говоря, слово *солдаты* в выражении *пойти в солдаты* выступает, как нам кажется, не как обозначение вида деятельности (название профессии), но как обозначение всей совокупности людей, характеризующихся таким образом.

Слово во множественном числе означает в подобных конструкциях безличную, сплошную массу, своего рода субстанцию; поэтому в конструкции с винительным падежом это слово трактуется как неодушевленный объект, при том что речь идет о совокупности одушевленных объектов, а именно, о совокупности лиц (ср.: *произведен в офицера*, но *произведен в офицеры*, *рукоположен в митрополита*, но *рукоположен в митрополиты*)⁴⁴. Эта масса в принципе может быть представлена любой совокупностью объектов, в том числе и одним объектом: так, например, говорят *взять кого-то в жены*, где множественное число относится к одному лицу. Мы говорим *пойти в гости* или *быть в гостях*, *вернуться из гостей* независимо от количества гостей: действительно, такого рода фразы вполне возможны в устах человека, являющегося единственным гостем. Фраза *Он вернулся из гостей* (или *Он пришел из гостей*) означает, что человек, о котором идет речь, был в гостях, и при этом возможно, что он

был единственным гостем; между тем в случае фразы *Он вернулся от гостей* (или *Он убежал от гостей*) имеются в виду конкретные гости, причем констатируется, что их было несколько (более одного)⁴⁵. В первом случае множественное число может относиться к объекту (лицу) в единственном числе, во втором случае множественное число обозначает именно множество объектов.

Сказанное относится и к личным (собственным) именам, которые теряют при этом функцию имени, ср. у Пушкина: *Мы все глядим в Наполеоны* («Евгений Онегин», XIV, 5): в этой фразе имеется в виду совокупность всех мыслимых Наполеонов или то общее, что объединяет множество всех возможных Наполеонов — при том что в актуальной действительности это множество представлено одним человеком⁴⁶.

Итак, множественное число не означает в рассматриваемых конструкциях аддитивного (увеличивающегося, способного к расширению) множества, но имеет значение целого, общей совокупности. В рассматриваемых примерах речь идет не об ограниченной совокупности конкретных объектов (поддающихся исчислению), но о принадлежности к общей их совокупности.

§ 1.1. Аналогия со вторым родительным падежом представляется поистине разительной. Так же, как и в случае второго родительного, речь идет в данном случае о принадлежности к произвольно членимому целому: *пойти в солдаты* означает стать частью того целого (безличной массы), которое обозначается словом *солдаты*. Любая совокупность объектов, обозначаемых словом *солдат*, предстает как часть целого, обозначаемого словом *солдаты*: это верно и в том случае, когда часть состоит всего из одного объекта. Как в том, так и в другом случае речь идет об отноше-

нии части и целого, и именно о части, вычленяемой из целого: понятие целого (представленное в такого рода конструкциях в форме множественного числа) предстает как первичное, исходное по отношению к любому составляющему его элементу.

Так же, как и в случае второго родительного, любая часть, вычленяемая из целого, обозначается тем же образом, что и само целое (см. выше, § I-1). Действительно, подобно тому как любая порция чая называется тем же именем, что и целое, т. е. словом *чай*, любая совокупность объектов, обозначаемых словом *солдат*, предстает как часть целого, обозначаемого словом *солдаты*, — и называется так же, как и целое.

В случае второго родительного часть метонимически представляет целое, т. е. имеет место отношение *pars pro toto*. В конструкциях типа *пойти в солдаты*, *служить в солдатах*, напротив, целое выступает как обозначение любой составляющей его части (любого составляющего его компонента), т. е. имеет место обратное отношение: *totum pro parte*. Таким образом, здесь также представлена метонимия, но метонимия обратного рода⁴⁷.

Как в случае второго родительного, так и в конструкциях типа *пойти в солдаты* части, вычленяемые из целого, могут быть противопоставлены одна другой лишь в количественном, но не в качественном отношении: как одна порция чая может противопоставляться по своему количеству другой порции, так одна группа солдат может противопоставляться по своему количеству другой группе. Внутри общей совокупности солдат составляющие компоненты (солдаты) не противопоставляются друг другу, представляя собой качественно однородный материал.

Соответственно объясняется неспособность конструкций типа *пойти в солдаты* включать в себя опре-

деления к существительному в винительном падеже: так, можно сказать *Он пошел в солдаты*, но нельзя сказать **Он пошел в brave солдаты*; можно сказать *Он попал в инженеры*, но нельзя сказать **Он попал в квалифицированные инженеры*; можно сказать *взять в корректоры*, но нельзя сказать **взять в корректоры статьи*, и т. п.⁴⁸ По словам Ворга, это «показывает, что дополнения при предлоге *в* в этих конструкциях семантически нечленимы, иначе говоря — что эти конструкции сами по себе полностью исключают возможность внутренней семантической дифференциации, точно так же, как род. II [второй родительный падеж]... Общее значение (семантический инвариант) этих... вторичных падежных форм есть дезиндивидуализация...»⁴⁹.

Если в случае второго родительного падежа целое предстает как некоторая субстанция, из которой вычленяется какая-то ее часть, то в данном случае, напротив, речь идет об обезличении, о превращении в субстанцию: речь идет не о материале как таковом, а о том, что становится материалом. Слова, образующие второй родительный падеж, изначально обозначают сплошную массу, которая в принципе не распадается на отдельные (составляющие элементы); между тем в конструкции типа *пойти в солдаты* общая совокупность отдельных элементов предстает как масса. Эта разница становится очевидной при сопоставлении конструкций типа *пойти в солдаты* с параллельными конструкциями, где предлог *в* сочетается с существительным не в винительном падеже множественного числа, а в творительном единственного: так, *произвести в офицеры* — не то же, что *произвести офицером*, *записаться в купцы* — не то же, что *записаться купцом*, *взять в компаньоны* — не то же, что *взять компаньоном*), и т. п. В некоторых случаях смысловые

различия между параллельными конструкциями с существительным в единственном и во множественном числе могут быть минимальными⁵⁰.

То, что речь идет об объединении в общую массу отдельных (единичных) элементов, может проявляться на формальном грамматическом уровне: форма винительного падежа множественного числа может отличаться в подобных конструкциях от формы именительного множественного, а именно в том случае, когда именительный множественного представлен в виде особой собирательной формы со значением коллективного множественного (выражающей общую совокупность, а не собрание отдельных объектов). Так, в русской речи может появиться фраза *кандидат в граждане*⁵¹, где форма *гражданины* оказывается противопоставленной форме именительного множественного *граждане*. При всей уникальности данного примера, сама возможность конструкции такого рода представляется показательной; существенно при этом, что фраза **кандидат в граждане* воспринимается как невозможная и носитель языка может ощущать потребность заменить форму *граждане* (в данной конструкции) другой формой, пусть и неупотребительной (образуя ее при этом *ad hoc*, окказиональным образом)⁵².

§ 1.2. Та же семантика может быть усмотрена и в выражениях *ходить по грибы*, *ходить по ягоды*, *ходить по воду*. И в данном случае речь идет о сплошной массе (грибов или ягод), которая трактуется как единство (слово *вода* в данном лексическом значении вообще не имеет множественного числа, т. е. выступает как *singulare tantum*). Нельзя сказать: **ходить по белые грибы*, **ходить по родниковую воду* — можно сказать только *ходить за белыми грибами*, *ходить за родниковой водой*.

Грамматически правильные выражения *ходить за грибами*, *ходить по ягоды*, *ходить за водой* табуированы в крестьянской среде⁵³. Характерна народная мотивировка этого запрета (нам не раз приходилось ее слышать в той или иной форме): «Нельзя говорить *пойти за грибами* — а то грибы уведут» (и человек заблудится в лесу); «Нельзя говорить *пойти за водой* — а то вода утянет» (и человек утонет). Иначе говоря, если не употребить данную конструкцию (с предлогом *по*, управляющим винительным падежом), грибы и вода предстают как индивидуальные, активные существа, способные увлечь за собой человека (а не как пассивная сплошная масса)⁵⁴.

Таким образом, эти выражения (*ходить по грибы*, *ходить по ягоды*, *ходить по воду*) оказываются аналогичными конструкции с предлогом *в* (типа *пойти в солдаты*): здесь также представлен винительный падеж (при этом слово *вода* выступает в форме единственного числа, поскольку форма множественного числа у него отсутствует⁵⁵). Смысловое различие между фразами *ходить по грибы* и *ходить за грибами* соответствует разнице между фразами *Он вернулся из гостей* и *Он вернулся от гостей* (см. выше, § II-1).

У Чехова в «Человеке в футляре» персонаж (Коваленко) говорит: «А разве я говорил что дурное про *властей?*». Точно так же можно сказать: «А разве я говорил что дурное про *власти?*». Сравнивая эти две альтернативные формы, мы можем уловить именно тот семантический нюанс, который вполне отчетливо представлен в конструкции типа *пойти в солдаты*: в цитируемой фразе *власти* представлены как своего рода субстанция, обобщенное целое, не поддающееся индивидуализации⁵⁶.

Значение обезличенной субстанции отразилось, видимо, и в таких фразеологических оборотах, как

животики надорвал (со смеху), *животики подвело*, *все печенки отбило*, *сидеть* (у кого-либо) *в печенках* (ср. также: *взять за грудки*, *ударить по мордасам*, *сказать в сердцах*, *в головах постели* и т. п.)⁵⁷. Эти выражения могут трактоваться по аналогии с тем, что было сказано выше (§ II-1) о пушкинской фразе *Мы все глядим в Наполеоны*: во фразах *животики надорвал* или *животики подвело* имеется в виду совокупность всех вообще мыслимых животов (животиков) — при том что в актуальной действительности это множество представлено всего одним элементом⁵⁸. Уменьшительная форма множественного числа (*животики*, *грудки* и т. п.), по-видимому, имеет здесь особый оттенок специализирующего значения, возможного вообще при метафорическом или условном употреблении⁵⁹.

Таким же образом, по-видимому, должны рассматриваться выражения *чай распивать*, *ходить в шелках*⁶⁰, *сидеть в креслах*⁶¹, *завидки берут*, *страхи берут*⁶², *сочинять вздоры*⁶³, ср. также *на радостях*, *в грустях*, *в сердцах* и т. п.; некоторые из этих выражений уже не употребительны в современном языке, другие могут восприниматься как фразеологические обороты. Форма множественного числа может быть представлена при этом в таких словах, которые обычно употребляются лишь в единственном числе⁶⁴: они могут употребляться во множественном числе, только если имеется в виду особое значение обобщенного, нерасчлененного множества. В ряде случаев такое употребление возможно у слов, имеющих особую форму второго родительного падежа, и это кажется не случайным: речь идет о словах, выражающих нечто, не распадающееся на отдельные составляющие элементы и членимое произвольным образом. Характерно, что такого рода конструкциям могут соответство-

вать конструкции со вторым родительным; так, например, выражение *чаи распивать* означает 'пить много чаю', выражение *быть в шелках, в ситцах* означает 'иметь на себе много шелку или ситцу'; точно так же выражение *страхи берут* означает 'натерпеться страху', выражение *сочинять вздоры* означает 'наболтать вздору', и т. п.⁶⁵

Отметим еще случаи, когда форма множественного числа существительного, обозначающего животное, выступает — обычно в сочетании с предлогом — как обозначение меха данного животного (*в соболях, в енотах* и т. п.)⁶⁵. В подобных случаях форма множественного числа не имеет собственно числового значения, но означает материал, вещество, т. е. получает именно то значение субстанции, которое выражается формами второго родительного⁶⁷.

Как в случае второго родительного, так и в этих случаях (*ходить в шелках, в соболях* и т. п.) исчезает (нейтрализуется) сама противопоставленность единственного и множественного числа.

§ 2. Д. С. Ворт предложил рассматривать конструкцию типа *пойти в солдаты* как конструкцию со «вторым винительным» падежом — по аналогии со вторым родительным или вторым предложным. Едва ли это оправдано.

В самом деле, форма существительного в подобных конструкциях не имеет самостоятельного грамматического оформления (в отличие от второго родительного или второго предложного), что не дает основания рассматривать ее как форму самостоятельного падежа. Речь могла бы идти только об особом значении винительного падежа, однако выделение этого значения отнюдь не ограничивается винительным падежом.

Мы видели, что такое же значение наблюдается не только в конструкциях с винительным падежом, но и в коррелирующих с ними конструкциях с предложным или родительным падежом множественного числа, ср. *пойти в солдаты* и *служить в солдатах*, *выйти из солдат*; *выйти в генералы* и *ходить в генералах*; *поступить в дворники* и *служить в дворниках*, и т. п. Очевидным образом здесь представлена та же семантика принадлежности к общей массе однородных объектов (по отдельности означающих лицо), где каждый объект (отдельное лицо) предстает как часть, вычленяемая из целого. Таким образом, интересующая нас семантика никак не связана с семантикой винительного падежа.

При этом неправомечно было бы считать, что такого рода значение представлено исключительно или главным образом в подобных конструкциях (которые коррелируют друг с другом). Речь идет, по-видимому, об особом грамматическом значении (представлении части и целого), которое имеет, так сказать, «сквозной» характер — в том смысле, что оно находит последовательное выражение в разных фрагментах русского именного склонения.

Так, например, та же семантика находит выражение в особой форме родительного падежа множественного числа (и, соответственно, винительного множественного), омонимичной именительному падежу единственного числа, — в таких, например, словах, как *гусар*, *драгун*, *улан*, *гренадер*, *партизан* и т. п. Эти слова имеют в родительном множественном нулевое окончание, если они выражают собирательное значение; когда же речь идет об отдельных людях, они имеют окончание *-ов*⁶⁸. Так, мы говорим *полк гусар*, но *множество гусаров*, и т. п.⁶⁹

Не случайно со всеми словами такого рода⁷⁰ возможна конструкция типа *пойти в солдаты* (ср.: *пойти*

в гусары, драгуны, уланы и т. п.; произвести в гарде-
 марины, кадеты и т. п.). Действительно, как в том, так
 и в другом случае речь идет о совокупности лиц, объ-
 единенных по социальному признаку. Характерным
 образом при этом форма родительного множественно-
 го типа *гусар* в принципе не допускает ограничитель-
 ного определения (подобно тому как невозможно оно
 и в конструкции типа *пойти в солдаты*, см. § II-1.1):
 как кажется, нехорошо сказать **полк смелых гусар*,
 лучше сказать *полк смелых гусаров*. Иначе говоря, и в
 этом случае имеет место дезиндивидуализация (объ-
 единяющая данную конструкцию как с конструкцией
 типа *пойти в солдаты*, так и с конструкцией со вто-
 рым родительным падежом).

Я не вижу здесь гусар означает 'не наблюдаю при-
 сутствия данного контингента'. Так естественно
 выразиться, например, военачальнику, обозревающе-
 му поле сражения, где представлены разные войско-
 вые соединения.

Я не вижу здесь гусаров означает 'не вижу ни од-
 ного гусара', т. е. 'не наблюдаю присутствия пред-
 ставителей данного контингента'. Так естественно
 выразиться, например, на балу или на собрании, где
 находятся представители разных войсковых частей.

Мы скажем *Он вышел из гусар*, и это означает, что
 человек, о котором идет речь, вышел из гусарского
 полка, перестал быть гусаром. Вместе с тем мы ска-
 жем *Он спасся от гусаров*, поскольку речь идет в этом
 контексте о конкретных гусарах, которые хотели пой-
 мать или убить данного человека. В сущности, это та
 же разница, которая имеет место между фразами *Он*
пришел из гостей и *Он убежал от гостей* и которую
 мы уже обсуждали выше (§ II-1). В одном случае
 множественное число предстает как обозначение об-
 щей совокупности элементов (которая в принципе мо-

жет состоять даже из одного элемента), в другом случае оно обозначает объединение отдельных (составляющих) элементов. Иначе говоря, в одном случае речь идет о целом как о сплошной массе, в другом же случае — о множестве как таковом (т. е. о сочетании отождествляемых элементов)⁷¹.

То же противопоставление, по-видимому, может иметь место — в живом языке — и в названиях народов, ср. *много турок* — *много турков*⁷², *много башкир* — *много башкиров* и т. п. Формы на *-ов* могут окказионально выступать при конкретизации: как кажется, более естественно сказать *много турок*, но *много бедных турков*⁷³.

Может быть, не случайно во всех этих случаях форма родительного множественного оказывается омонимичной форме именительного единственного: в сущности, множество трактуется в подобных случаях как единое целое, т. е. противопоставление по числу нейтрализуется, как нейтрализуется и противопоставление по одушевленности. Характерно при этом, что омонимия с формой именительного падежа имеет место как в случае *пойти в гусары*, так и в случае *полк гусар* (форма, омонимичная именительному множественного в одном случае, именительному единственному — в другом).

§ 2.1. Такие же отношения могут наблюдаться и у неодушевленных объектов, а именно, в случае обозначения парных предметов. Так, например, слово *сапог* имеет две формы родительного множественного: *сапог* (нулевая форма, омонимичная форме именительного единственного) и *сапогов*, ср. *много сапог* и *много сапогов*; то же относится к таким словам, как *носок*, *чулок*, *валенок*, *ботинок* и т. п. В одном случае имеются в виду сапоги (или, соответственно, носки и

т. п.) как целое, т. е. некоторая совокупность, образующая единство (и рассматриваемая как целое), в другом случае — отдельные, разрозненные сапоги (resp. носки и т. п.). Поскольку во всех этих случаях такого рода единство представлено в виде пары соответствующих предметов, принято говорить *пара сапог*, *пара носок* и т. п., тогда как выражения *много сапогов* или *много носков* будут употреблены в том случае, если имеются в виду отдельные сапоги или носки (иначе говоря, если имеет место индивидуализация). Так, можно сказать: «с огорчения он обругал один из этих *сапогов*»⁷⁴; «из трех *сапогов* вылезло по котенку»⁷⁵. *Много сапог* означает множество пар сапог (множество объектов, каждый из которых обозначается словом *сапоги*); *много сапогов* означает множество разрозненных сапогов (множество объектов, каждый из которых обозначается словом *сапог*). Фраза *бери любые из этих сапог* означает предложение выбрать любую пару сапог (характерно при этом, что нельзя сказать: **бери любой из этих сапог*); между тем фраза *бери любые из этих сапогов* означает предложение взять любое сочетание сапогов (и в этом случае можно сказать: *бери любой из этих сапогов*)⁷⁶.

§ 2.2. Указанное противопоставление наблюдается и в сочетании существительных, обозначающих лицо, с собирательными числительными *двое*, *трое*, *четверо*: мы можем сказать *два солдата* и *двое солдат*, *два гусара* и *двое гусар*, и т. п. В случае сочетания обычного (не собирательного) числительного с родительным единственным имеется в виду объединение отдельных лиц (два, три, четыре лица объединяются вместе, составляя одну группу); в случае же сочетания собирательного числительного с родительным множественного имеется в виду не объединение, а,

напротив, вычленение некоторой группы (состоящей из двух, трех, четырех лиц) из общей совокупности, т. е. вычленение части из целого. Таким образом, речь идет здесь о принадлежности к целому.

Эта общая совокупность предстает как единая масса, как множество однородных объектов, которые не отличаются друг от друга, и поэтому такие конструкции оказываются неуместными по отношению к людям, занимающим привилегированное положение в обществе. Как отмечает Ломоносов, «сие употребляется только о людях, и то по большей части низких, ибо неприлично сказать: *трое боярь, двое архіереевъ, но: три боярина, два архіерея*»⁷⁷. При наличии особой формы собирательного множественного собирательные числительные сочетаются с этой именно формой: мы говорим *два сына*, но *двое сыновей*, и т. п.; если *сыны* представляют собой объединение отдельных лиц (каждое из которых определяется как *сын*), т. е. аддитивное множество, то *сыновья* представляют некое целое, из которого вычленяется количество, определяемое собирательным числительным. В сущности, фразы *двое бояр* и *два боярина* различаются в том же смысле, в каком различаются фразы *пачка чаю* и *пачка чая*.

§ 2.3. Мы говорили о сочетании числительных с обозначениями лиц. Но такие же отношения обнаруживаются и при сочетании числительных с названиями единиц измерения. На этом основании Н. А. Еськова считает возможным выделить в русском языке особый падеж, который она определяет как «счетную форму». Ср.: «...признается существование еще одного падежа — так называемой *счетной формы*. Категория слов, в которой он выделен, — названия единиц измерения. Счетными формами признаются фор-

мы с нулевой флексией при указании количества: *5 вольт, 10 ампер, 100 ватт...* Для выявления того, что в таких случаях употреблен не родительный падеж множественного числа, а другой падеж, нужно противопоставить их “несомненному” родительному множественного; надо проверить, как ведут себя слова типа *вольт, ампер, ватт* не при обозначении количества, а в иных контекстах, где выступают формы родительного множественного... Если подставить слова *вольт, ампер, ватт* в такие контексты: “отмена, введение...”, “не досчитаться...”, “не знаю никаких...”, обнаруживается, что они употребляются в этих случаях в формах с флексией *-ов*, а не с нулевой флексией: “отмена, введение *вольтов, амперов, ваттов*” и т. д. Отсюда можно сделать вывод, что в случаях *5 вольт, 10 ампер, 100 ватт* выступают формы не родительного множественного, а другого падежа — особого счетного. Он может иметь и вариативное выражение: *грамм* и *граммов, ом* и *омов, эрг* и *эргов*. Счетной формой является и словоформа *лет* при родительном множественном *годов*, ср.: “люди тридцатых *годов*” и “прошло пять *лет*”⁷⁸. В другом месте тот же автор замечает: «Противопоставленность счетного падежа родительному по окончанию видна из сравнения случаев: *5 килограмм — не вижу никаких килограммов, 100 байт — не использовал байтов*, а также не вполне литературного *кило апельсин vs. не люблю апельсинов*»⁷⁹.

Как кажется, в данном случае — в такого рода словах — числовое значение обладает способностью объединять обозначаемые явления (выступающие как объект измерения) в самостоятельные группы: в результате такие выражения, как *десять ампер* или *пять килограмм* (например, фруктов), оказываются аналогичными выражению *полк гусар* и т. п.: во всех этих случаях соответствующее выражение означает сово-

купность однородных явлений, вычленяемых из общей массы. При этом подчеркивается отсутствие противопоставления обозначаемых явлений в пределах данной совокупности, т. е. имеет место их дезиндивидуализация.

§ 3. Остается сказать, что интересующее нас значение может быть прослежено и в именительном падеже. Так, в «Войне и мире» Толстого Пьер Безухов, встретившись с Платоном Каратаевым, спрашивает его «Ты кто же, *солдат?*», на что следует ответ: «*Солдаты* Апшеронского полка» (т. IV, ч. 1, гл. 12)⁸⁰. Форма множественного числа означает здесь, очевидно, принадлежность к целому, т. е. это то же значение, которое представлено в конструкции *пойти в солдаты*. Аналогичное значение выступает и в таких самоопределениях, характерных для народной речи, как *мы рязанские, мы тверские* и т. п.: речь не идет в подобных случаях о каком-либо коллективе, например о семье и т. п., — имеется в виду принадлежность говорящего лица к некоторой совокупности людей, представляемой как целое, т. е. вычленение части из целого⁸¹.

Возможно, так же может трактоваться и такое выражение, как *Разговорчики!*, употребляемое в том случае, когда никакие возражения не признаются допустимыми (например, в военной среде при общении с начальством)⁸². Всего лишь одно слово, воспринимаемое как попытка возражения, может быть квалифицировано как «разговоры», т. е. как множество речевых высказываний, — поскольку оно воспринимается как представитель общей ситуации (ситуации неуместной болтовни).

§ 4. Итак, данное значение не ограничивается одним каким-либо падежом, но прослеживается в раз-

ных падежах русского языка. Оно может наблюдаться в форме единственного числа, если она не противопоставлена форме множественного числа (как это имеет место в случае второго родительного), или же в форме множественного числа, которая имеет при этом особое значение общей совокупности, отличное от стандартного значения множественного числа. Напрашивается вывод, что мы имеем дело здесь не с особыми падежными значениями, а с особым представлением множества.

Как кажется, в русском языке находят выражение две концепции множества:

1) Аддитивное множество, которое представляет собой объединение отдельных составляющих элементов, отождествляемых друг с другом. Это множество принципиально открыто в том смысле, что оно всегда может быть увеличено прибавлением какого-то нового элемента: оно обнаруживает потенциальную способность к расширению, увеличению. Множественное число в этом случае означает потенциально расширяющуюся совокупность единичных объектов. Так, форма *книги* представляет неограниченную совокупность вида: *книга + книга...*, и т. д. (см. выше, § I-1). Значение множественного числа слова, обозначающего тот или иной объект, предстает, таким образом, как вторичное по отношению к значению единственного числа того же слова: значение формы множественного числа образуется из значения единственного числа соответствующего слова — через операцию мультипликации.

2) Комплетивное множество, трактуемое как целое, из которого могут быть вычленены составляющие его элементы. В этом случае множество предстает как первичное явление по отношению к выделяемым из него элементам. Форма множественного

числа может обозначать при этом единичный объект. Так, в частности, слово *солдаты* в конструкции *пойти в солдаты* или же во фразе (*мы*) *солдаты* (относящейся к одному лицу) предстает как целое, и значение единичного объекта определяется именно принадлежностью к этому целому. Множество одушевленных объектов трактуется при этом как неодушевленный объект (в конструкциях с винительным падежом).

Итак, речь идет о двух противоположных трактовках отношения части и целого: в одном случае целое образуется из частей (составляющих элементов), в другом случае, напротив, часть выступает как представитель целого. Иначе говоря, в одном случае целое предстает как производное, в другом — как исходное понятие.

Отношение части и целого может трактоваться вообще либо как отношение объединения (а именно, прибавления или же умножения), либо как отношение вычленения (а именно, вычитания или же деления). Так, в частности, некоторое множество может быть представлено как результат объединения составляющих его частей. Если эти части отождествляются между собой, т. е. называются одним именем, то значение множества в целом образуется операцией умножения (мультипликации). В этом случае значение словоформы во множественном числе определяется значением соответствующей словоформы в единственном числе. Если мы знаем значение слова *книга*, то мы способны понять и значение слова *книги*: слово *книги* означает любое множество n объектов, называемых словом *книга*, где $n > 1$ (иначе говоря, множество, определяемое умножением объекта на любое число натурального ряда, большее единицы). Это можно выразить таким образом: *книги* = *книга* + *кни-*

га... При этом значение слова (словоформы) во множественном числе выступает как производное по отношению к значению соответствующей словоформы в единственном числе.

Однако отношение части и целого может быть представлено и как результат деления целого на части; оно может делиться произвольным образом (когда вычлняемые части не являются взаимно дополнительными, т. е. могут пересекаться друг с другом) либо подразделяться на составляющие элементы (которые находятся в отношении дополнительного распределения). В этих случаях множество, понимаемое как некоторое целое, оказывается первичным по отношению к вычлняемым из него компонентам и значение компонента определяется отношением к целому. Если при этом множество распадается на отдельные (составляющие) элементы, каждый элемент выступает как представитель целого. Тем самым значение слова (словоформы) во множественном числе может выступать как первичное по отношению к соответствующим словам (словоформам) в единственном числе.

Часть и целое в глаголе

§ 1. Отношения части и целого находят грамматическое выражение по преимуществу в именных, а не в глагольных формах. Это вполне естественно: отношения части и целого наиболее наглядно проявляются в пространстве, а не во времени; между тем противопоставление имени и глагола в принципе связано с противопоставлением пространства и времени⁸³. Тем большего внимания заслуживает то обстоятельство, что аналогичные отношения в некоторых случаях могут быть прослежены и в глаголе. Это, по-видимому, говорит о том, что соответствующие грамматические значения относятся к глубинному слою языковой структуры.

Обратимся к глаголу. Мы начнем с рассмотрения истории языка, с тем чтобы затем вернуться к современному его состоянию.

В древнерусском языке отмечается употребление итеративных форм при обозначении действия или состояния, относящегося к отдаленному прошлому⁸⁴. Особенно характерно это для приказного языка, где, как утверждают исследователи, подобное употребление приобретает характер нормы; следует иметь в виду, что в приказных документах сама ситуация такого

рода является обычной (часто речь идет о действии, имевшем место в отдаленном прошлом) и это определяет необходимость стандартизованного употребления глагольных форм.

В частном случае такого рода формы могут иметь и значение преждепрошедшего времени, т. е. плюсквамперфекта. Приведем примеры из двинских грамот XV в.: «Се купи... оу выгумновохо дѣтеи заозер[с]кую землю і з дворьмь... цимь *вълодъваль* ігумень і єго дѣти»⁸⁵; «Се купи... наволокъ... по ручей гдѣ Евша рожь *сѣваль*»⁸⁶. Ср. также в описании патриарших выходов за 1667 г.: «В Чюдовѣ монастырѣ было отпѣваніе по преставльшемся инокѣ схимникѣ Некатаріи, что *бываль* Сибирской архіепископъ, да самъ своею волею оставиль»⁸⁷.

Данное явление фиксируется в древнейших грамматических описаниях⁸⁸. Так Дмитрий Герасимов в «Донатусе» 1522 г. квалифицирует формы *любливах*, *учивах*, *хачивах*, *бывах*, а также *читах*, *слыхах*, *бѣх*⁸⁹ как формы «минувшего пресовершенного времени», соотнося их с латинским плюсквамперфектом⁹⁰; «Донатус» представляет собой описание церковнославянского языка (его упрощенной, гибридной разновидности), однако итеративные формы типа *учивах*, *хачивах* и т. п. имеют вполне очевидный русский субстрат⁹¹.

В латинской грамматике Копиевича 1700 г. в качестве эквивалента плюсквамперфекта могут фигурировать либо такие формы, как *оучивали*, *прочитываль*, *слыхиваль*, *бываль*⁹², либо такие формы, как *любиваль* *быль*, *оучиваль* *быль*⁹³, т. е. аналитические образования от итеративных глаголов; между тем в его «славянороссийской» грамматике 1706 г. «преходящее» и «прешедшее» времена выражаются одинаково формами *быль*, *были*, тогда как особое «мимошедшее» время обозначено итеративами *бываль*, *бывали*⁹⁴.

Точно так же Иван Афанасьев в своей сопоставительной грамматике русского и немецкого языков 1725 г.⁹⁵ наряду с «преходящим» (*imperfectum*) и «прошедшим» временем (*perfectum*) выделяет «мимошедшее» время, которое определяется как *plusquamperfectum*; с этим временем он соотносит (в индикативе) итеративные глагольные формы — такие, например, как *я имееваль* (*ich hatte gehabt*) (с. 30—31), *я любливаль* (*ich hatte geliebet*) (с. 37), *я любливалься* (*ich war geliebet*) (с. 43), ср. также *я пребываль* (*ich war gewesen*) (с. 33—34).

Сходным образом и Федор Поликарпов в своей «Технологии...» 1725 г. выделяет особое «мимошедшее» время, образованное от итеративных глаголов (*давно писываль* и т. п.)⁹⁶. Это время определяется как давнопрошедшее, причем специально отмечается, что оно присуще исключительно «простому», т. е. русскому языку: «Мимошедшее еже простѣ точію употребляемо, что давно дѣлываль»⁹⁷.

Такого же рода тройное противопоставление (*умерѣ — умираль — умираваль*), где форме итератива приписывается значение плюсквамперфекта, можно найти затем и в грамматике Шванвица 1730 г.⁹⁸ — при том, что обычно плюсквамперфект передается здесь конструкциями типа *давно хвалиль* и т. п.⁹⁹

Итеративные формы (такие, как *читываль, учиваль* и т. п.) поставлены в соответствие латинскому плюсквамперфекту («давно прошедшему» времени) и в грамматике латинского языка 1746 г., переведенной Василием Лебедевым¹⁰⁰.

Наконец, и Ломоносов в своей «Российской грамматике» 1757 г. трактует такие формы, как *тряхиваль, брасываль* и т. п., как формы «давно прошедшего» времени¹⁰¹. Так же рассматриваются эти формы и в «Российской грамматике» А. А. Барсова 1783—1788 гг.¹⁰²

Как видим, при сопоставлении с языками, где выделяется плюсквамперфект (латинским или немецким), соответствующим формам приписывается значение преждепрошедшего времени; в тех же случаях, когда описание русского языка не имеет сопоставительного характера (т. е. строится независимо от описания других языков), они соотносятся с давнопрошедшим временем.

Итак, формы несовершенного вида могут передавать значение давнопрошедшего или же преждепрошедшего времени. При этом в соответствующей функции могут употребляться как обычные формы несовершенного вида, так и специфические итеративные формы. Относительно ранний пример использования в подобной функции обычной формы мы находим в договорной грамоте Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем 1264—1265 гг.: «на семь кнѣже цѣлоуи хъ [хрестъ] къ всѣмоу Новоугороду, на цѣмъ то цѣловали дѣди и бѣци и бѣць твои Юрославъ»¹⁰³. Здесь речь идет о том, что уже не сохраняет силы в настоящем и целиком относится к прошлому, т. е. здесь была бы уместна форма плюсквамперфекта.

Следует полагать, таким образом, что итеративные формы находятся по отношению к формам несовершенного вида в привативной, а не эквиполентной оппозиции, т. е. итеративные формы маркированы как соотнесенные со значением такого рода, однако отсутствие специального показателя итеративности в принципе не означает, что такое значение не передается. Отсюда очень часто мы наблюдаем вариантное употребление итеративных и не-итеративных форм, ср., например, в допросных речах XVII в.: «И ямщикъ де Кузька Антоновъ почель говорить къ тому слову: Отъ тѣхъ де было царсей, блядиныхъ дѣтсей, которыхъ *выбирали* въ межъусобную брань межъ себя наша братья, мужики, земля пуста стала... И ямщикъ де Кузька Ан-

тоновъ почель говорить къ тому слову: Отъ тѣхъ де было царей, блядиныхъ дѣтей, которыхъ *выбирывали* въ межъусобную брань межъ себя наша братья, мужики, земля пуста стала»¹⁰⁴.

§ 2. Необходимо отметить вместе с тем, что итеративные формы в прошедшем времени могут иметь и перфектное значение. Это особенно заметно в конструкциях с отрицанием (что, как мы увидим, отнюдь не случайно). Ср., например: «Патриарх же им рече: Аз к ним *не писывал*, а ныне к ним стану писати» (летопись конца XVII в.)¹⁰⁵; «У таможенныхъ и у замытныхъ денегъ *не сиживали*, и у зелейнаго анбару въ цѣловалникѣхъ *не бывали*, и сору и дровъ *не важивали*, и ямского двора *не дѣлывали*, и съ подводами *не ставали*, и намѣстнича корму *не плачивали*, и посошныхъ службъ *не служивали*, и лѣсу и камени *не важивали* и нашего хлѣба *не молачивали*»¹⁰⁶ (царская жалованная грамота об архиерейских вотчинах, 1578 г.);

Говорит Ставер, сын Годинович:
Что я с тобой сваечкой *не игрывал*.

.....
Говорит Ставер, сын Годинович:
Что я с тобой в грамоты *не учивался*¹⁰⁷;

Молодехонек, зеленехонек:
Ты на больших боях *не бывывал*,
Страстей-ужастей ты *не видывал*¹⁰⁸;

Сегодня я, братец мой, не пил, *не едал*,
И хлеба я соли в рот *не бирал*¹⁰⁹.

Ср. характерное чередование обычной формы несовершенного вида в положительной конструкции и производной от нее итеративной формы в конструкции с отрицанием в допросных речах XVII в.: «И ка-

закъ Изотка Голубой... въ разспросѣ сказалъ: ...Я де имъ то извѣщаль, что Кондратій Золотухинь *лаяль* меня... Кондратій Золотухинь въ разспросѣ сказалъ: ...Его де, Изота, *не лаиваль* такъ»¹¹⁰; «И въ разспросѣ казакъ Осипко Русиновъ сказалъ: *Торговаль* де у меня... Кузьма Коноваловъ рыбу задешево... Куземка Коноваловъ въ разспросѣ сказалъ, что онъ у казака у Осипка Русинова рыбы *не торговываль*»¹¹¹ Ср. у Пушкина в «Станционном смотрителе»: «Бедный отец на силу решился спросить у дьячка, *была* ли она у обедни. Дьячок отвечал, что *не бывала*»¹¹².

Такое употребление не ограничивается отрицательными конструкциями, ср. примеры из допросных речей XVII в.: «видѣла де его бобылка Агаѣица сонъ, чтобъ онъ, Степанко, переставилъ свою избу и сѣни у ней сдѣлаль... И онъ, Степанко, избу *переставливалъ* и про тотъ сонъ Зоткѣ Дехтяреву *сказываль*»¹¹³; «И хотѣлъ онъ арх[имандрит] на дьякона воеводамъ извѣтную подавать челобитную, а *подаваль-ли* или *не подаваль*, того я не вѣдаю»¹¹⁴. Ср. также у Пушкина: «*Не рассказывал* ли он вам одного очень странного происшедствия? — Не пощечина ли, ваше сиятельство, полученная им на бале от какого-то повесы? — А *сказывал* он вам имя этого повесы? — Нет, ваше сиятельство, *не сказывал*» («Выстрел») ¹¹⁵; или у Тургенева: «Вы *знали* Якова Иваныча?, — продолжал я. — *Знавала-с*, — проговорила она» («Яков Пасынков») ¹¹⁶. Итеративная форма употребляется в подобных случаях для констатации факта, имевшего место в прошлом.

Отсюда мы можем наблюдать характерную вариативность итеративной формы и формы совершенного вида, ср. в допросных речах XVII в.: «И тотъ Ѳедька, угнавъ его на Олешинскомъ лѣсу, билъ и, г[осудареву] грамоту отнявъ у него, *зарыль* в навозъ... И тотъ Ѳедька, угнавъ его на Олешинскомъ лугу и, г[осу-

дареву] грамоту отнявъ у него, зарываль в навозъ»¹¹⁷; «И послѣ де обѣда пошелъ я... къ себѣ на подворье..., а игумень Аѳанасій *остался* съ Голубовскимъ въ комнатѣ на одинѣ... И въ тѣхъ ихъ рѣчахъ написано, что ты, игумень Аѳанасій, послѣ обѣда у Андрея Голубовскаго въ комнатѣ *оставался*»¹¹⁸; «Да сказываль де ему, Ивашку, того дьякона Васильевъ братъ Микитка: Заложилъ де имъ клирошенинъ Молдоръ книгу Острологъ въ 20 ал[тынъ] на пропой, а послѣ де того имъ тѣ деньги *отдаваль*, и они ему тое книги не *отдали*»¹¹⁹; «И выпився... тотъ мой человекъ изъ ума, *зажигаль* соломенную свѣчу, и будто пѣлъ молебень... *Зажегъ* де... тотъ Жданъ снопь соломы»¹²⁰.

Именно ввиду того, что итеративные формы могут иметь перфектное значение, они могут выступать и в плюсквамперфектном значении: эти значения, как известно, определенным образом связаны. Ср. в этой связи характерный пример употребления итеративной формы в плюсквамперфектном значении, где одновременно прослеживается и соотносительность с перфектным значением: «А *продали есмь* ту землю..., что *купливаль* братъ же мой Борисъ у Шихана» (купчая, 1568 г.)¹²¹. Равным образом связаны между собой значения давнопрошедшего и преждепрошедшего времени: в языках, где фиксируется плюсквамперфект, соответствующая глагольная форма обычно может обозначать и давнопрошедшее (remote past)¹²².

§ 3. Как же объяснить это явление? Каким образом формы несовершенного вида могут обладать в русском языке перфектным и плюсквамперфектным значением? Это кажется парадоксом и, следовательно, нуждается в объяснении¹²³.

Интересующее нас употребление обусловлено семантикой несовершенного вида: несовершенный вид

имеет процессуальное и, в частности, итеративное значение — постольку, поскольку процесс может пониматься как последовательность изолированных действий или состояний; соответственно, он может быть представлен как повторение однотипных действий или состояний.

Именно поэтому формы несовершенного вида в принципе могут соотноситься с перфектным значением: в самом деле, достаточно хотя бы одного момента, чтобы зарегистрировать, что тот или иной факт имел место. Так, например, фраза «вам звонили» означает «кто-то вам звонил», «к вам приходили» означает «кто-то к вам приходил» и т. п. Ср. особенно в конструкциях с отрицанием: «вам никто *не* звонил» — это означает «ни один человек не звонил»; введение отрицательно-усилительной частицы *ни* подчеркивает: «ни один человек». Во всех этих случаях действие расчленяется на последовательность однотипных (однократных, разовых) действий и процессуальность, которая заложена вообще в семантике несовершенного вида, предстает как совокупность или последовательность отдельных моментов или эпизодов.

Перед нами нечто вроде квантора (модификатора): достаточно, чтобы человек *сел*, чтобы о нем можно было сказать: «он *сидел*»¹²⁴; достаточно, чтобы вам кто-то *позвонил*, чтобы можно было сказать: «вам *звонили*». Совершенно так же мы можем сказать, например, «Почему ты с ним *здороваяешься?*»), если мы увидели, как наш собеседник однажды поздоровался с человеком, о котором идет речь. Равным образом фраза «*Кланяйтесь* такому-то» или «*Передавайте* привет» не выражает многократного действия: достаточно один раз передать привет, чтобы считать это пожелание исполненным.

Поэтому фраза «Я читал Канта» в принципе может иметь — в зависимости от контекста — как перфектное, так и имперфектное значение. С одной стороны, может иметься в виду процесс, ср., например: «Я читал Канта. Вдруг мне пришла в голову мысль...». С другой стороны, может иметься в виду результат: я могу сказать, что *читал* Канта, если я прочел хотя бы что-то им написанное¹²⁵.

Итак, процесс может пониматься как целое или как совокупность (последовательность) отдельных моментов. В последнем случае может актуализироваться перфектное значение (и, соответственно, формы несовершенного вида могут выражать перфектность). Поскольку итеративные формы в принципе представляют действие как расчлененное (состоящее из отдельных эпизодических действий), использование этих форм в подобном значении оказывается совершенно естественным. Так, например, в цитированной выше пушкинской фразе (из «Выстрела»): «А *сказывал* он вам имя этого повесы?» итеративная форма *сказывал* означает, в сущности: ‘говорил ли хоть раз’. Сейчас глагол *сказывать* неупотребителен, и мы так не скажем. Мы скажем: *не говорил ли?* или: *не упоминал ли?* — при этом обычные формы несовершенного вида выступают в перфектном значении. Аналогичным образом стандартная (не-итеративная) форма несовершенного вида может выражать в современном русском языке и плюсквамперфектное значение. Рассмотрим, например, следующую фразу: «Эта теория была предложена Гегелем, который читал и Юма, и Канта». Эту фразу можно понять лишь в том смысле, что знакомство с трудами Юма и Канта определило появление данной теории, т. е. слово *читал* имеет в сущности плюсквамперфектное значение: по-английски мы

сказали бы: *had read*; древнерусский автор мог бы употребить в данном случае форму *читывал*.

§ 4. Сказанное особенно наглядно проявляется в конструкциях с отрицанием, и это понятно. Введение отрицательной частицы выражает в данном случае отрицание события в прошлом, и это в принципе относится к любому из моментов, инкорпорированных в это событие. Поскольку в итеративной форме подчеркнут составной характер соответствующего действия, сочетание отрицательной частицы с такого рода формой усиливает отрицание: подчеркивается именно, что ни один из моментов, составляющих данное действие, не имел места¹²⁶.

Соответственно, форма совершенного вида в положительной конструкции может коррелировать с формой итератива в конструкции с отрицанием. Вот примеры из допросных речей XVII в.: «Чумаць Ивашко Никитинь... *взволоть* его на кабаць сильно... А чумаць Ивашко Никитинь въ разспросѣ сказалъ, что онъ попа Федора на кабаць сильно *не взволакивалъ*»¹²⁷; «И въ сѣзжей избѣ тое челобитную онъ-ли, Ивашко, *подкинулъ*... А онъ де, Ивашка, извѣтныя челобитныя никакія ни на кого ни въ чемъ *не писывалъ* и въ сѣзжей избѣ *не подкидывалъ*»¹²⁸; «А на Хутынѣ де онъ... тѣхъ грамотокъ... *не изранивалъ*... Служка Степанка Митрофановъ питанъ накрѣпко и съ пытки говорилъ прежнія рѣчи, что тое грамстку писалъ съ пьяна, а съ кѣмъ ее къ старцу Сергію послалъ, или *изронилъ*, того онъ не упомнить»¹²⁹; «Что Ивашка Германовъ... отъ болѣзни своей *не образумивался*... И послѣ... дьячокъ Ивашка Германовъ отъ болѣзни своей *образумилъ*»¹³⁰; «И *встрѣтилъ* де съ нимъ на дорогѣ... кр[естьянин] Парфенко Филатовъ, прозвище Батраць, и сказывалъ ему: быть де войнѣ великой, что Тушинскій воръ, который назывался царевичемъ

Дмитріємъ, живь... Кр[естьянин] Парфенко съ нимъ, Ивашкомъ, на дорогѣ *встрѣчался-ли* и такія ему рѣчи про Тушинскаго вора говорилъ ли, что онъ живь... Кр[естьянин] Парфенко Батракъ въ разпросѣ и съ очей на очи съ Ивашкомъ Стригою говорилъ, что онъ съ нимъ, съ Ивашкомъ, на дорогѣ *нигдѣ не встрѣчивался* и про Тушинскаго вора, что будто онъ живъ, ничего не говариваль»¹³¹.

Те же отношения могут быть выражены через противопоставление форм совершенного и несовершенного вида. Так, в допросных речах XVII в. читаем: «И онъ, Гришка, не перетѣрпя пытки, говорилъ на себя, будто онъ прудъ мельничной *сжегъ* по наученью игумена Іоны, и онъ де, Гришка, пруда *не сжигаль*»¹³²; «И тое ихъ челобитную *бросиль* по столу... И ты бѣ того попа Тавлѣя разспросиль подлинно, какую онъ челобитную *бросаль*»¹³³. Ср. также в этой связи: «Ты ж не *видел* ее [пробоину в корабле]. — *Видал*. Снаружи» (Владимов, «Три минуты молчания») ¹³⁴; «Что *слышал*? — Ничего *не слышал*. — Что *видел*? — Ничего *не видал*» (Короленко. «Сон Макара») ¹³⁵; «А я что и *видела*, не *видала*, что и *слышала*, не *слыхала*» (Толстой. «Власть тьмы», акт I, явл. 9) ¹³⁶; Мы *слышали* еще два выстрела, и кроме шума волн уже ничего *не слыхали*» (Карамзин. «Письма русского путешественника», глава «Лондон, Сентября... 1790») ¹³⁷. Или еще «Дал он тебе? — Не давал. Давал? — Не даывал... Слышал? Не слухал. Слышал? — Не слыхивал. Видел? — Не видал. Видал? — Не видывал»¹³⁸.

Введение отрицания подчеркивает разовый характер действия: в приведенных примерах *не встречивался* означает 'ни разу не встречался', *не бывала* — 'ни разу не была' и т. п. Итак, итеративная форма прошедшего времени, в обычном случае выражающая многократное действие, в конструкции с отрицанием

выражает противоположное значение, т. е. действие однократное.

И напротив, в настоящем времени форма совершенного вида, нормально выражающая однократное действие, в сочетании с отрицанием может выражать многократность, повторяемость действия. См., например, грамоту псковского князя Ярослава Васильевича и псковских посадников Снетогорскому монастырю 1483 г.: «И нынеча, господине, Юрьи и Ортемь и Илья... нась шестой части в Перерве реки лишають, а проѣзду намъ не дадутъ» (т. е.: не дают)¹³⁹. Подобные конструкции типичны для древнерусского языка; в современном языке в такого рода контексте обычно употребляется презенс несовершенного вида, ср., однако, фразы типа *звоню, но никак не дозвонюсь* и т. п.¹⁴⁰

Таким образом, введение отрицания способствует восприятию действия как членимого, состоящего из частей: действие членится на отдельные моменты, и отрицание распространяется на любой из этих моментов. При этом в настоящем времени имеет место нечто вроде операции умножения (однократное действие в сочетании с отрицанием превращается в многократное), а в прошедшем времени — как бы операция деления (многократное действие в сочетании с отрицанием превращается в однократное).

§ 5. Аналогичное явление мы наблюдаем и в русских именных словоформах. Множественное число в принципе может означать как нерасчлененное множество (т. е. множество в целом), так и совокупность отдельных единиц (ср. § II-4). В некоторых контекстах, например, в контекстах с отрицанием, актуализируется именно это последнее значение. Так, например, *книги* означает ‘много или несколько книг’, между тем

фраза *у меня нет книг* не значит 'у меня нет многих или нескольких книг', но имеется в виду: 'у меня нет ни одной книги'¹⁴¹. Точно так же *у меня нет сыра* (или *сыру*) (в Genetivus partitivus) означает 'у меня нет ни кусочка сыра' и, вместе с тем, *дай мне сыра* (или *сыру*) означает 'дай мне хотя бы кусочек сыра' (по-английски мы бы сказали: *give me a piece of cheese* или *give me some cheese*)¹⁴².

Если при этом множество представляет собой совокупность качественно однородных частей, возникает полная аналогия с итеративом. Как мы видели, существуют специальные способы выражения такого рода представлений о множественности. Одним из таких способов является в русском языке так называемый второй родительный падеж. В дальнейшем мы сосредоточимся на аналогии итеративных глагольных форм со вторым родительным; при этом мы позволим себе повторить некоторые формулировки, относящиеся к характеристике этого падежа.

Действительно, второй родительный падеж означает по преимуществу именно Genetivus partitivus, т. е. возможность представления целого как состоящего из частей и, соответственно, возможность членности целого (см. § I-1). При этом второй родительный маркирован по отношению к первому родительному, т. е. и первый родительный может иметь такое же значение, однако для второго родительного оно является специфичным (см. § I-2).

Поэтому второй родительный, как правило, возможен лишь у слов, в значении которых имплицирована идея количества (см. § I-3). Слова, которые имеют второй родительный падеж, обозначают то, чего может быть много или мало; при этом они выражают идею множества, которое не распадается на отдельные объекты, но может произвольно члениться на

субстанционально однородные части — так, что любая часть множества оказывается качественно однородной целому (см. § I-4). Кроме того, второй родительный падеж появляется в сочетании с предлогами, выражающими отделение от чего-либо или же, напротив, включение во что-то. Во всех этих случаях выражается отношение части и целого.

Итак, представления о длительности (процессе) и о множестве оказываются аналогичными в русском языке.

И то и другое может рассматриваться либо как нечто целое, либо как нечто составное, т. е. членимое на отдельные (однородные) фрагменты — отдельные моменты в случае представления о длительности, отдельные части в случае представления о множестве.

В обоих случаях представление о членимости оказывается маркированным и выражается специальными грамматическими формами — итеративными глагольными формами при обозначении членимой длительности, формами второго родительного падежа при обозначении членимого множества. Соответствующие формы находятся по отношению к противопоставленным им основным формам в привативной, а не экви-полентной оппозиции. Так, итеративные формы выражают идею членимого процесса, однако противопоставленные им обычные (не-итеративные) формы несовершенного вида обозначают процессуальность вообще, т. е. как идею процесса как целого, так и идею процесса, состоящего из отдельных фрагментов; соответственно, обычные формы несовершенного вида могут (в принципе) обозначать членимую длительность, тогда как итеративные формы непременно ее обозначают. Совершенно так же формы второго родительного падежа выражают идею членимого множества, тогда как противопоставленные им формы

первого родительного в рассматриваемом контексте выражают идею множества вообще, т. е. как идею множества как целого, так и идею множества, состоящего из отдельных фрагментов; соответственно, формы первого родительного могут (в принципе) обозначать членимое множество, тогда как формы второго родительного непременно его обозначают.

Остается сказать, что и в имени, так же как в глаголе, семантика партитивности — или, точнее говоря, членимости на однородные части — особенно наглядно проявляется в конструкциях с отрицанием. Как мы видели, введение отрицания в принципе способствует восприятию действия как членимого, состоящего из частей: действие членится на отдельные моменты, и отрицание распространяется на любой из этих моментов. Совершенно так же введение отрицания способствует восприятию множества как членимого: множество членится на составляющие компоненты, и отрицание относится к каждому из этих составляющих¹⁴³.

Характерно, что у некоторых слов второй родительный падеж появляется исключительно в конструкции с отрицанием; иначе говоря, слова, которые в нормальном случае (в положительной конструкции) не имеют формы второго родительного, могут получать ее в специальных условиях — при введении отрицания. Сюда относятся, между прочим, слова, обозначающие меру времени или пространства, ср., например: *и часу не прошло, он и году не просидел* (сюда же относится и выражение *без году неделя*, где отрицание имплицировано), *ни шагу назад* и т. п. Нормально у таких слов не должно быть второго родительного: это противоречило бы их семантике; однако в конструкциях с отрицанием они могут выступать в особом значении, а именно, они могут означать часть,

вычленяемую из целого. Совершенно так же, как мы видели выше, слова, нормально выражающие однократность или многократность действия, в отрицательной конструкции меняют свое значение на противоположное (см. выше, § III-4). Таким образом, и в этом случае оказывается возможным установить аналогию между именем и глаголом.

Кажется вообще, что на основании сказанного мы вправе констатировать наличие в русском языке на глубинном уровне общей грамматической категории, объединяющей имя и глагол. Семантика этой категории определяется отношениями части и целого, и мы могли бы назвать ее категорией партитивности. Она латентно присутствует в языке и может актуализоваться в разных фрагментах его структуры. Эта категория характеризует собственно русское языковое развитие: она отсутствует в церковнославянском, и поэтому в литературном языке ее реализация оказывается ограниченной¹⁴⁴.

Замечания о втором предложном падеже

Второй предложный (или местный) падеж, который появляется в сочетании с предлогами *в* и *на*¹⁴⁵, обнаруживает очевидное сходство со вторым родительным, проявляющееся в целом ряде моментов. Подобно второму родительному, второй предложный образуется от ограниченной группы слов, обозначающих неодушевленные существительные (правда, не только мужского, но и женского рода), и не имеет формы множественного числа; иначе можно сказать, что противопоставление по числу нейтрализуется в этих падежах. В ряде случаев второй предложный и второй родительный образуются от одних и тех же слов (ср.: *в лесу́* — *из лесу́*, *в снегу́* — *много снегу́*, и т. п.)¹⁴⁶. Если второй родительный падеж морфологически совпадает с дательным падежом соответствующего слова, то при образовании второго предложного наблюдается тенденция к избеганию омонимии с дательным¹⁴⁷. Оба падежа являются в известном смысле дополнительными, вторичными: если у существительного есть форма второго родительного, у него есть и форма первого родительного; если у существительного есть форма второго предложного, у него есть и форма первого предложного.

Отношения между вторым предложным и первым предложным падежом (который обычно называется просто «предложным») могут ближайшим образом напоминать отношения между вторым родительным и первым родительным. В определенных случаях мы наблюдаем семантическую корреляцию второго предложного и первого предложного падежей, когда они выражают одно значение: это проявляется в том, что форма второго предложного может заменяться при известных условиях на соответствующую форму первого предложного падежа.

К такой замене может приводить, в частности, введение определения. По словам Р. О. Якобсона, «для многих существительных достаточно появиться определению, чтобы соответствующий предмет перестал восприниматься в роли резервуара. В этих случаях вместо местного II [второго предложного] выступает местный I [первый предложный]... *В гробу...*, но *в деревянном гробе*, *в разукрашенном гробе...*; *в песку...* — *в золотом песке...*; *на возу...* — *на чудовищном вóзе...*; *руки в крови...* — *руки в человеческой крови...*; *свиньи купаются в грязи...* — *больной купается в целебной грязи...* Чем необычней определение, тем оно больше выделяет предмет и тем скорее местный II [второй предложный] уступает свое место местному I [первому предложному]. Ср.: *в родном краю...* — *в экзотическом крае*»¹⁴⁸. То же самое мы наблюдали и в отношении второго родительного падежа: как уже отмечалось, употребление второго родительного в принципе не допускает спецификации, и, соответственно, введение уточняющего определения регулярно приводит к замене формы второго родительного на форму первого родительного (см. выше, § I-3). В случае второго родительного падежа это объясняется тем, что части, вычлняемые из целого, могут быть противо-

поставлены друг другу лишь в количественном, но не в качественном отношении, т. е. отсутствием внутренней семантической дифференциации; то же имеет место, как мы видели, и в случае конструкции типа *пойти в солдаты* (см. § II-1.1). Аналогичное представление, по-видимому, находит выражение и в формах второго предложного падежа¹⁴⁹.

Вместе с тем необходимо признать, что во втором предложном падеже интересующее нас явление представлено менее отчетливо. Более того: указанная закономерность со временем становится все менее и менее характерной, что обусловлено как постепенным усвоением в языке тех или иных адъективных конструкций, наряду с последующими аналогическими процессами, так и экспансией формы второго предложного падежа в качестве основной формы падежа с местным значением¹⁵⁰. Так, у современного носителя языка могут вызвать возражение некоторые из приводимых Якобсоном примеров: сейчас кажется вполне возможным сказать *в деревянном гробу*¹⁵¹, *в разукрашенном гробу*, а также *в экзотическом краю*, *руки в человеческой крови*¹⁵². Таким образом, рассматриваемая особенность оказывается более характерной для предшествующего диахронического среза, чем для современного языка¹⁵³. Вообще, говоря о специфическом значении второго предложного падежа, проявляющемся в его противопоставленности первому предложному, мы в большой степени имеем в виду семантические характеристики, которые лишь латентно присутствуют в современном состоянии языка и не всегда в нем проявляются.

Существенно во всяком случае, что преобразование формы второго предложного в форму первого предложного падежа при появлении определения к существительному возможно — пусть в ограниченном ко-

личестве случаев — и в современном языке (ср., например: *в песку́*, но *в золотом пескѣ́*; *в отпуску́*, но *в продолжительном отпуске*; *в снегу́ есть песок*, но *в этом сне́ге есть песок*; и т. п.), ср. также такие выражения, как *на дому́*, *на слуху́*, *на духу́*, где существительное во втором предложном вообще не может сопровождаться определением. В некоторых случаях форма первого предложного появляется в суперлативном значении, тогда как в элативном значении, особенно при экспрессивном употреблении, может сохраняться форма второго предложного, ср. *на берегу́*, *на крутом берегу́*, *на самом крутом берегу́* (элатив), но *на самом крутом бе́реге* (суперлатив).

Такого рода замена может иметь место и в ситуации противопоставления, ср.: *она была в шелку́*, но *она была в шёлке, а не в крепдешине*. Аналогичное явление наблюдается, как мы отмечали, и в случае второго родительного, ср. *дайте чаю*, но *дайте чая, а не кофе* (§ I-3). Разница, однако, в том, что в случае второго предложного это не выполняется, когда форма второго предложного вытесняет в языке соответствующую форму первого предложного падежа. Так, форма в *угле́* не употребительна в языке¹⁵⁴, и поэтому мы скажем: *Он сидел не в центре, а в углу́*.

Отметим еще, что форма второго предложного достаточно регулярно заменяется на форму первого предложного падежа при сочетании существительного с порядковым числительным *один*, ср.: *я был в саду́*, но *я был в одном са́де* (а не в двух, не в трех и т. п.)¹⁵⁵. Сходным образом формы второго родительного заменяются на соответствующие формы первого родительного при сочетании с числительными *два*, *три*, *четыре*¹⁵⁶.

Наконец, образование уменьшительной формы от существительного во втором предложном падеже, как

правило, приводит к автоматической замене формы второго предложного на форму первого предложного. Мы говорим: *в саду́*, но *в сади́ке* или *в сади́чке*; *на мосту́*, но *на мо́стике* или *на мосто́чке*, и т. п.; формы **в садику*, **в садочку*, **на мостику*, **на мосточку* и т. п. невозможны в литературном языке¹⁵⁷. Иначе говоря, у слов с уменьшительным суффиксом, как правило, отсутствует форма второго предложного падежа. Исключения единичны: они сводятся к нескольким словам с суффиксом *-ок*, которые испытали влияние соответствующей формы исходного слова (сохраняя просодический контур исходной словоформы). Так, можно сказать как *в уголке́*, так и *в уголку́*¹⁵⁸, как *на бережке́*, так и *на бережку́*¹⁵⁹; можно считать, что форма *уголку́* образована непосредственно от формы *углу́* (а не от формы *угол*), форма *на бережку́* — непосредственно от формы *берегу́* (а не от формы *берег*)¹⁶⁰, подобно тому как форма второго родительного *чайку́* образована не от *чаёк*, а от *чаю* (ср. выше, § I–2).

Вместе с тем сходство второго предложного и второго родительного имеет ограниченный характер. Если противопоставление второго родительного и первого родительного падежей может быть охарактеризовано как привативная оппозиция, то противопоставление второго предложного и первого предложного в целом представляет собой оппозицию эквиполентную. Действительно, во фразе со вторым родительным, как правило, можно заменить второй родительный на первый родительный без изменения смысла (см. § I–2); напротив, во фразе со вторым предложным такого рода замена — замена формы второго предложного на соответствующую форму первого предложного, как и обратная замена (замена формы первого предложного на форму второго предложно-

го), — может приводить к изменению смысла (ср., например: *Много хорошего в лесу́* и *Много хорошего в лесе́*); иногда же она и вовсе оказывается невозможной.

Это объясняется тем, что для многих существительных значение местного падежа оказывается основным: соответственно, у такого рода существительных обычной является именно форма второго предложного, которая успешно конкурирует с формой первого предложного и может даже вытеснять эту последнюю. Так, например, мы можем сказать только *в плену́*, но не *в плéне*¹⁶¹; форма *на мосту́* употребляется в настоящее время гораздо чаще, чем *на мóстé* и т. п. В выражениях, принявших значение наречий (*на верху́*, *на скаку́*, *на яву́*), возможно только окончание *-у*¹⁶²; заметим, что это проявляется и при введении определения (*на самом верху*, *на всем скаку*).

Как мы видели, аналогии между двумя родительными и двумя предложными падежами прослеживаются более явно на диахроническом уровне, чем в современном состоянии. Мы можем предположить, что в свое время отношения между вторым предложным и первым предложным падежами строились по той же модели, что и отношения между вторым родительным и первым родительным, а именно, как привативная (а не эквиполентная) оппозиция. Иначе говоря, в свое время второй предложный падеж, по-видимому, был маркированным по отношению к первому предложному: значение первого предложного покрывало значение второго предложного, и, соответственно, форма второго предложного могла всегда заменяться на форму первого предложного без изменения значения фразы.

В некоторых случаях такие отношения могут наблюдаться и в современном языке. Так, например,

вместо *в шелку появилась моль* можно сказать *в шёлке появилась моль* — имея в виду, собственно, одно и то же, т. е. именно наличие моли в шелке. В этом случае мы можем заменить форму второго предложного падежа. При этом обратная замена может привести к изменению смысла фразы: *в шёлке появилась моль* может означать качество шелка, т. е. характеристику вещи, а не пребывание моли внутри шелка. Полагаем, что ранее такого рода отношения характеризовали вообще противопоставление обоих предложных падежей. Со временем — по мере того как второй предложный падеж узурпирует значение местного падежа — привативная оппозиция развивается в эквивалентную.

При таких отношениях второй предложный падеж предстал как «реляционный» падеж (см. § I-3): это означает, что он характеризовал обозначаемый предмет или явление не непосредственно, но через отношение к первому предложному падежу — подобно тому, как это имеет место в случае второго родительного и первого родительного. Если первый предложный падеж непосредственно обозначал некоторый предмет или явление, т. е. определял его качественную характеристику, то второй предложный обозначал его опосредственно — через отношение к стандартному предложному падежу.

Эти отношения и определили характер противопоставления обоих предложных падежей. Они прослеживаются и в современном языке¹⁶³.

Так, фразы *Много хорошего в лесу* и *Много хорошего в лесе* имеют разное значение. В одном случае представлена характеристика того, что находится в лесу, и только косвенно (опосредствованно) — характеристика самого леса, леса как такового. В другом же

случае мы имеем характеристику непосредственно самого леса, который противопоставляется не-лесу: отсутствию леса или же ассоциирующимся с лесом объектам, которые лесом не являются. Когда мы говорим *в лесу*, речь идет о лесе безотносительно к противопоставлению его не-лесу; если же мы говорим *в лесе*, такого рода противопоставление оказывается имплицитным. Совершенно так же во фразе *он что-то ищет в снегу* противопоставление снега и не-снега не предполагается с обязательностью (хотя и может иметь место). Напротив, во фразе *он что-то ищет в снеге*, снег оказывается противопоставленным не-снегу¹⁶⁴.

Аналогичные отношения могут наблюдаться и при противопоставлении форм обоих родительных падежей, например, в случае выражений *количество коньяку* и *количество коньяка* (см. § I-3). Так, выражение *количество коньяку* относится к характеристике некоторого количества, вычлняемого из целого, т. е. некоторое количество коньяка противопоставляется общему (имеющемуся в нашем распоряжении или вообще возможному) его количеству. Между тем в случае выражения *количество коньяка* наличие коньяка может противопоставляться его отсутствию или же коньяк может представлять как элемент более общей категории соотнесенных предметов, например, категории спиртных напитков; в этом случае коньяк противопоставлен каким-то другим напиткам¹⁶⁵. Существенно, однако, что выражение *количество коньяка* имеет более общий, а *количество коньяку* — более частный (специализированный) смысл: соответственно, мы можем заменить фразу *количество коньяку* на *количество коньяка* так, что смысл не изменится (при том, что обратная замена не всегда возможна). Между тем

мена форм *в лесу* и *в лесе* в одном и том же контексте, как мы видим, оказывается невозможной.

Сколько красоты в лесу́ — речь идет о красивых объектах внутри леса (но не о лесе как таковом, не о лесе в целом), например, о листьях, грибах, ягодах, и т. п.: вычленяются красивые компоненты леса, и утверждается, что их много. Не имеет места противопоставления леса и не-леса: не утверждается, что вне леса нет этой же красоты. Не утверждается, что весь лес (лес как целое) — красив.

Сколько красоты в лёсе — красота выступает как характеристика леса в качестве объекта, противопоставляемого другим объектам. Лес как нечто красивое противопоставляется чему-то другому: таким образом, различаются красивые и некрасивые объекты и утверждается, что лес относится к первой категории. Лес противопоставлен не-лесу, и при этом не предполагается вычленение чего-то внутри леса.

В тені́ нет ничего приятного. Имеется в виду пребывание в тени: когда я нахожусь в тени, мне неприятно.

В тэни́ нет ничего приятного. Имеется в виду тень как явление. Различаются феномены приятные и неприятные, тень относится к последним. Речь не идет о местонахождении в тени, и вместе с тем тень противопоставлена здесь не-тени. Ср., соответственно: *Но и в тені́ путник не нашел спасения* (здесь тень служит местонахождением путника) — *Но и в тэни́ путник не нашел спасения* (тень не дала ему облегчения); *и в грязі́ можно найти алмаз* (грязь таит в себе алмаз) — *и в грязи́ можно найти своеобразную прелесть* (т. е. своеобразная прелесть может быть свойством грязи); *меня раздражает мошкара в степі́* (в степи находится нечто, что меня раздражает, а именно мошкара; или возможный вариант: когда я нахожусь в степи, меня

раздражает мошкара) — *меня раздражает однообразие в степи* (однообразие выступает как характеристика степи)¹⁶⁶.

Во всех этих случаях форма второго предложного падежа имеет значение местонахождения, и при этом не имеется в виду противопоставление объекта, в котором что-то находится, чему-то другому. Напротив, форма первого предложного падежа предполагает противопоставление данного объекта его отсутствию или же какому-то другому объекту, с ним ассоциирующемуся (например, противопоставление тени и не-тени, грязи и не-грязи, степи и не-степи и т. п.)¹⁶⁷.

Итак, в основе противопоставления как обоих родительных, так и обоих предложных падежей лежит противопоставление качественной и реляционной характеристики, т. е. противопоставление непосредственного и опосредствованного обозначения, вторичной и первичной референции¹⁶⁸.

В случае второго родительного падежа реляционное значение определяется отношением части к целому: слово в этом падеже представлено как часть, вычленимая из целого (§ I-1). В случае второго предложного падежа реляционное значение определяется нахождением внутри чего-то: слово в этом падеже означает пространство (в широком смысле этого слова), в котором имеет место то или иное явление (находится предмет, совершается действие и т. п.).

Понятно при этом, что «быть частью» и «быть внутри» представляют собой соотносимые характеристики. В самом деле, часть предполагает идею инкорпорации. Соответственно, «быть частью» означает: быть внутри чего-то. В свою очередь, «быть внутри» означает: занимать часть чего-то. Так, например, фраза *сколько красоты в лесу* представляет отношение части и целого; напротив, для фразы *сколько красоты в лесе* это отношение оказывается неактуальным.

Эта семантическая соотнесенность и отразилась, по-видимому, в сходной судьбе второго родительного и второго предложного падежей. Она наглядно проявляется в тех случаях, когда слово, в парадигме которого представлена как форма второго родительного, так и форма второго предложного падежа, имеет значение места или времени: в этих случаях может наблюдаться корреляция между этими формами. Так, по-видимому, имеет место корреляция между формами *из лесу* и *в лесу*, *из носу* и *в носу*, и т. п.: если мы говорим *из лесу*, имеется в виду то, что было *в лесу*; если мы говорим *из носу*, имеется в виду то, что было *в носу*. Равным образом могут коррелировать и формы первого родительного и первого предложного падежа: *из леса* и *в лесе*, *из носа* и *в носе*. В первом случае корреляция обусловлена реляционным значением форм второго родительного и второго предложного падежей: речь не идет о противопоставлении леса и не-леса, носа и не-носа; во втором же случае подразумевается такое противопоставление. Именно в этом смысле должно быть понято указание Ломоносова на то, что второй родительный падеж образуется от слов, означающих место или время¹⁶⁹.

Такого рода корреляция может иметь место и в том случае, когда слово, от которого образованы формы второго родительного и второго предложного падежей, имеет значение вещества, материала, субстанции. Как уже отмечалось, именно от слов с таким значением обычно образуется вообще форма второго родительного падежа, которая обозначает при этом часть, извлеченную из целого (см. § I-4). Вместе с тем эти слова могут иметь и форму второго предложного в тех случаях, когда это вещество может выступать в значении резервуара, в котором что-то находится. Соответственно образуется корреляция между формами вто-

рого родительного и второго предложного: так, например, выражение *в снегу́* может предполагать, что имеется *много сне́гу* или во всяком случае некоторая масса снега, обуславливающая появление применительно к данной ситуации формы второго родительного (*сне́гу*); аналогичным образом выражения *в шелку́*, *в чаю́*, *в песку́*, могут подразумевать, что имеется достаточно много *шёлку*¹⁷⁰, *чаю*, *песку́* и т. п.

¹ О втором родительном см., в частности: Шахматов, 1925 (с. 92—95, 101—104), Зализняк, 1967 (с. 44—46, 281—284). История второго родительного (а также второго предложного падежа) наиболее подробно рассмотрена у Шахматова (Шахматов, III, с. 364—392, 553—558; Шахматов, 1957, с. 240—257), Обнорского (I, с. 98—232), Унбегауна (1935, с. 78—125), Сёренсена (1958), Плотниковой-Робинсон, 1964 (с. 166—202), Маркова (1974, с. 47—60) и Торндаля (1974); см. также: Потетьня, IV/1, с. 18—21; Чернышев, II, с. 10—28, 30—52; Обнорский, 1913; Булаховский, II, с. 56—60; Булаховский, 1950, с. 115—118; Кузнецов, 1953, с. 70—76; Исаченко, 1962, с. 91—97. В наши задачи не входит критический обзор предлагаемых здесь объяснений.

Формы родительного падежа на -у фиксируются уже в первых описаниях русского языка. Так, Лудольф в грамматике 1696 г. (см.: Лудольф, 1696, с. 17), Сойе в грамматике 1724 г. (см.: Сойе, I, с. 41—42) и Федор Поликарпов в «Технологии...» 1725 г. говорят о подобных формах как специфической особенности русского языка, отличающей его от церковнославянского. По словам Федора Поликарпова, «не живѣщихъ вещей числа единственнаго на ѣ кончащихся именъ родителный болѣе употребляется на ѝ, а не на а, ѣко указъ, указѝ»; таким образом, церковнославянской форме родительного единственного *указа* противопоставляется русская форма *указу* (см.: Поликарпов, 2000, с. 288; ср.: Успенский, 1994, с. 109—111; Успенский, 1997, с. 501—506; Успенский, 2002, с. 507—508). Равным образом и Ломоносов в своих грамматических трудах соотносит формы родительного падежа на -а и на -у с противопоставлением церковнославянской и русской языковой стихии: отсюда в высоком стиле предлагается употреблять

формы на *-а*, а в низком стиле — соответствующие формы на *-у*, например, следует говорить *ангельского гласа*, но *птичьего голосу* и т. п. («Российская грамматика», 1757 г. — Ломоносов, VII, с. 457, §§ 172—173; ср. подготовительные материалы к грамматике — там же, с. 647—648). Ломоносов, однако, не ограничивается стилистическими замечаниями, но дает характеристику семантики тех слов, которые имеют форму второго родительного (см.: «Российская грамматика» — Ломоносов, VII, с. 457—459, §§ 171—179; ср. подготовительные материалы к грамматике — там же, с. 647—648, 669—671); описание это сохраняет свое значение до настоящего времени. О втором родительном довольно подробно говорится затем и в «Российской грамматике» Барсова (1783—1788 гг.), но здесь сообщается мало нового по сравнению с Ломоносовым (см.: Барсов, 1981, с. 117—119, 437—439).

² Обычно он называется просто «родительным», и это в какой-то мере может быть оправдано тем обстоятельством, что значение второго родительного падежа маркировано по отношению к значению первого родительного (см. § I-2); соответственно, и обозначение (наименование) этого падежа оказывается маркированным.

³ Материалы к «Российской грамматике» (Ломоносов, VII, с. 647, ср. с. 670). В окончательный текст «Российской грамматики» (§ 174) вошло следующее определение: «Имена собирательные и тех вещей, которые по мере, по числу или по весу разделяются, в родительном больше кончатся на *у*, нежели на *а*» (Ломоносов, VII, с. 457). Здесь же (в § 179) Ломоносов дает практическое правило, позволяющее определить (с известной долей вероятности), имеет ли то или иное слово форму второго родительного: «Вообще служить может для разбору помянутых родительных сочинение имен с числительными *два*, *три*, *четыре*, ибо они родительного на *у* отнюдь не терпят» (Ломоносов, VII, с. 458—459; ср.: Шахматов, 1941, с. 437, § 502).

⁴ Шахматов, 1925, с. 102. По замечанию А. А. Зализняка, «во фразах типа *дай мне чай* и *дай мне чаю*, быть мо-

жет, речь идет о разных предметах. Здесь возможны, таким образом, две точки зрения: 1) сегменты *чай* и *чаю* обозначают в приведенных фразах один и тот же предмет, находящийся в разных отношениях к действию передачи: в первом случае это действие распространяется на весь предмет, а во втором только на его часть (иначе говоря, мы имеем здесь дело с разными состояниями одного и того же предмета); 2) сегменты *чай* и *чаю* обозначают здесь разные предметы, находящиеся в одинаковом состоянии (сегмент *чай* обозначает чай вообще или определенную его порцию, например стакан или пачку; сегмент *чаю* обозначает неопределенное количество чая, некоторую часть имеющегося чая)» (Зализняк, 1967, с. 44). Поскольку второй родительный употребляется не только при обозначении действия передачи, вторая точка зрения имеет более общий характер.

⁵ Ср.: «2-й родительный находится в таком отношении с родительным [имеется в виду первый родительный], что вместо любой словоформы P_2 [второго родительного], не омонимичной словоформе P_1 [первого родительного], всегда можно употребить, без изменения смысла, словоформу, омонимичную словоформе P_1 [первого родительного] (так, вместо *у меня нет чаю* всегда можно сказать *у меня нет чая*)» (Зализняк, 1967, с. 45).

Для иллюстрации различий между первым и вторым родительным падежом Р. О. Jakobson приводит следующий отрывок: «Долго не было *снегу*, заждались *снега* ребята. Зато сколько *снегу* намело в январе. *Снегу* кругом! Набрали *снегу* ребята, вылепили снежную бабу. Брюллов не любил *снега*, пугался *снега*... Раздраженно говорил он о снеге: «Цвет *снега* напоминает молоко»» (Jakobson, 1985a, с. 193). Показательно, что во всех случаях форма второго родительного (*снегу*) может быть заменена на форму первого родительного (*снега*) без какого-либо ущерба для смысла; напротив, обратная замена (*снега* на *снегу*) оказывается не всегда возможной.

⁶ О понятиях «привативной» и «эквиполентной» оппозиции см.: Трубецкой, 1960, с. 82—85.

⁷ То же относится и к другим формам, образованным по той же модели, которые могут спорадически появляться в языке. См., например, у Лескова: «...захватили с собою кое-каких съестных припасов: сухарей, рыбы, да гороху, да *ромку* фляжку... — и поехали» («Темняк» — Лесков, V, с. 554). Форма *ромку* не имеет ни коррелянтной формы первого родительного падежа (**ромка*) — по той же причине, по какой не имеет ее и форма *чайку*, — ни формы именительного падежа (**ромок*).

Ср. в этой связи такие формы, как *пешочком* (во фразе *Я туда пешочком пройду?*) или *щец* (во фразе *Дайте, пожалуйста, щец*), которые представляют собой уменьшительные формы, непосредственно образованные от формы косвенного падежа *пешком* или *щеи* — при отсутствии в языке соответствующих форм именительного падежа. Подобные формы в разговорном языке выступают вообще как специальные формы вежливости, обусловленные ситуацией вопроса или просьбы (см.: Успенский, 2000, с. 45—46); в таком же контексте употребляется нередко и форма *чайку*.

⁸ Так, в черновой редакции гоголевского «Носа» мы читаем: «...*народу* беспрестанно увеличивалось на улице» (Гоголь, III, с. 383; ср. в окончательном тексте: «...народ беспрестанно умножался на улице» — там же, с. 51). Фраза «*народу*... увеличивалось» звучит лучше, чем «*народа*... увеличивалось», и возможность замены *народу* на *народа* в этом контексте, вообще говоря, может подвергаться сомнению. Это обусловлено инверсией порядка слов (дополнение предшествует сказуемому). Будучи помещена в начало фразы, форма *народу* сразу же задает значение количественной характеристики, свойственное вообще второму родительному падежу (ср. § I–3), предвосхищая таким образом то, о чем пойдет речь далее; этого не происходит, между тем, с формой *народа*. Показательно, что то же можно выразить и интонацией, и тогда форма *народу* уже не кажется столь обязательной (ср.: «*народа* — беспрестанно увеличивалось на улице»).

Сходным образом, например, мы можем сказать *много народа* и *много народу*, но, кажется, лучше сказать *народу много*, чем *народа много*.

Форма второго родительного может быть закреплена во фразеологических сочетаниях, и в таких случаях, естественно, замена ее на соответствующую форму первого родительного оказывается невозможной. Отметим в этой связи слово *толк*, употребление которого во втором родительном всегда имеет идиоматический характер (ср.: *мало толку, много толку, что толку, без толку, не быть толку, сбить(ся) с толку, добиться толку*).

⁹ См.: Якобсон, 1985а, с. 193.

¹⁰ См.: Якобсон, 1985, с. 165—166.

¹¹ Говоря о существительных, имеющих форму второго родительного, Востоков отмечает: «Все сии существительные принимают и правильное окончание родительного падежа на *а*, *я*, кроме окончания на *у*, *ю*. Последнее служит для родительного, показывающего количество...; первое же для других значений родительного падежа. Напр[имер], с окончанием на *у* говорится: *купить анису, перцу, уксусу; выпало много снегу; набрать хворосту, ельнику*; с окончанием на *а* — *пряность аниса, перца; бочонок уксуса; белее снега; очистит лес от хвороста; лес состоит из ельника*» (Востоков, 1856, с. 29—30, § 29).

¹² *Дай мне крепкого чая* звучит лучше, чем *дай мне крепкого чаю*. Фраза *дай мне крепкого чаю*, вообще говоря, возможна (особенно в устной речи), но ее следует трактовать как результат объединения двух конструкций (*дай мне чаю* + *дай мне крепкого чая*), т. е. как скрытый анаколүф. Фраза *дай мне крепкого чая* предполагает смысловое выделение слова *крепкого* (логический акцент падает на это слово); фраза *дай мне крепкого чаю* предполагает смысловое выделение слова *чаю* (логический акцент падает на это слово). При логическом акценте на определении оппозиция между первым и вторым родительным может нейтрализоваться, т. е. соответствующая разница может не ощущаться, в результате чего и оказывается возможной фраза *дай мне крепкого чаю*.

Аналогичным образом мы можем сказать, например, *дай мне чаю*, но при этом скажем *дай мне чая, а не кофе*, если акцент падает на дополнение (*чая*); если же акцент делается на глаголе, то можно сказать: *дай же мне, наконец, чаю, — а не кофе!*

¹³ Шахматов, 1925, с. 103. Ср.: «...окончание -у перенеслось в те основы на -о, которые не обозначали индивидуальных предметов» (Шахматов, III, с. 365); «по-видимому, во всех русских наречиях с окончанием -у соединилось представление не о неодушевленности предмета, но об отсутствии его индивидуализации, о невозможности мыслить о нем как о чем-то индивидуально определенном и отдельном» (Шахматов, 1957, с. 240). О понятии индивидуализации см. также: Кленин, 1980.

¹⁴ Чернышев, II, с. 22; ср. еще: Потебня, IV/1, с. 19 (примеч. 1). В цитируемой В. И. Чернышевым фразе в первом случае (представленном формой второго родительного падежа) доход трактуется как часть, вычленяемая из некоторого целого (часть общего дохода, т. е. поступающего вообще капитала), и при этом подразумевается противопоставление дохода, получаемого за один какой-то год, доходу за другой год. Во втором же случае (представленном формой первого родительного падежа) доход, получаемый за год, трактуется как целое — безотносительно к доходу, получаемому в другое время.

¹⁵ Ворт, 1998, с. 8; ср.: Ворт, 1985, с. 296. Д. С. Ворт пользуется примером Р. О. Якобсона (см. ниже, примеч. 20), отражающим архаическую языковую норму; в настоящее время обычно говорят «цветы без запаха».

¹⁶ Ср.: «Родительный II и местный II [второй предложный] отличаются от родительного I и местного I [первого предложного] тем, что ими обозначается не предмет как таковой, а только его соприкосновение с содержанием высказывания» (Якобсон, 1985, с. 168).

¹⁷ См. список слов: Зализняк, 1967, с. 282—283. Ср. наблюдения Б. Унбегауна над русским языком первой половины XVI в.: «Un nom d'animal, *борань*, prend dans le “Domostroj” la terminaison -у uniquement parce que dans ce cas

spécial il signifie non pas 'mouton', mais 'viande de mouton'. Le mot *нарядъ* peut avoir les génitifs *наряду* et *наряда* suivant qu'il signifie 'munitions' ou 'corvée'. Le mot *зубъ* 'dent', qui est le nom d'un objet concret, n'a sans doute... un génitif en *-у* que parce qu'il désigne une matière, le *рыбей зубъ* 'la dent de morse', qui jouait dans les pays du Nord le rôle de l'ivoire... Le mot *самосудъ* a normalement le génitif en *-а*; le seul cas [в просмотренном корпусе текстов] où il atteste une forme en *-у* est précisément celui où il signifie non pas le fait de se faire justice soi-même, mais l'amende infligée pour cet acte. Il en est de même du mot *розбой* 'pillage, brigandage': le seule fois où il accuse un génitif en *-у*, il a le sens de 'butin'» (Унбегаун, 1935, с. 119—120). По наблюдениям А. А. Шахматова, «из вѣсу воцаного Тр[оицкий] сп[исок] Новг[ородской] 1-й [летописи] [л.] 50б, не означает конкретных весов, а есть отвлеченное понятие, ср. там же ни вѣсу имь не вѣсити Иваньского; подлугъ того нашего листу Молд[авская грамота] 1438 [г.]... того листу Гал[ицкая] гр[амота] 1409 [г.], сего листу Гал[ицкая] гр[амота] 1424 [г.], здесь лист означает содержание листа, следовательно понятие отвлеченное; ...опроче... службы и кму Гр[амота] нач[ала] XV в.; опроче... яму Гр[амота] 1462—63 [г.]...; ям означает здесь ямскую повинность» (Шахматов, III, с. 371). Такого рода формы в соответствующем значении достаточно широко представлены в русских памятниках с XIII в. (см.: Соболевский, 1907, с. 170—171).

¹⁸ См. об этом: В. Успенский, 2002. Можно сказать, что языковая картина мира — вероятно, не только в русском языке — отвечает скорее представлениям реалистов, чем номиналистов.

¹⁹ Ср.: «В идеальном языке, построенном исключительно на логических принципах, форма, которая не подразумевает ни единственного, ни множественного числа, стала бы еще более необходимой, если бы мы перешли из мира исчисляемых вещей (таких, как дома, лошади, дни, мили, звуки, слова, преступления, планы, ошибки и т. п.) в мир неисчисляемых вещей. Существует большое количество слов, которые не вызывают у нас представления о каком-

либо предмете, имеющем определенную форму и точные границы. Такие слова я обозначаю термином “названия массы” (mass-words). Они могут быть либо вещественными и обозначать вещество независимо от его формы (например, серебро, ртуть, вода, масло, газ, воздух и т. п.) либо невещественными (например, досуг, музыка, движение, успех, такт, здравомыслие)» (Есперсен, 1958, с. 229). То, о чем говорит Есперсен, находит в русском языке формальное грамматическое выражение.

²⁰ Ср.: «Когда высказывание превращает объект, выражающий массу или абстрактное понятие, в один из однородных и при этом исчисляемых предметов, то существительное перестает быть *Singulare tantum*, противопоставление единственности — множественности вступает в свои права (*различные чаи, всяческие запахи*) и родительный II теряет свои права: *нет чаю* (род. II), но *в продаже нет ни китайского, ни цейлонского чая* (род. I); *цветы без запаха* (род. II), но *в букете не было цветов без сладкого или горького запаха* (род. I)» (Якобсон, 1985, с. 166).

²¹ В свое время второй родительный мог употребляться также — с тем же общим значением — в сочетании с предлогами *около, посреди*, ср. у Батюшкова: *около году, посреди шуму* (см.: Обнорский, 1913, с. 45).

²² Отсутствие определения при существительном во втором родительном падеже (см. выше, § I-3) способствует адвербиализации предложных конструкций такого рода, ср. *отроду, сбоку* и т. п.

²³ Белинский, VI, с. 354. Ср. у Некрасова: «И только в одном ему счастье было, // Что волосы *из носу* шибко росли» («Крестьянские дети» — Некрасов, II, с. 118).

²⁴ Гоголь, VI, с. 123.

²⁵ Пушкин, VIII, с. 68.

²⁶ Форма *изо рта* у Пушкина не встречается, однако и форма *изо рту* представлена всего лишь одним примером.

²⁷ Ср.: Плотникова-Робинсон, 1964, с. 182.

²⁸ Достоевский, VII, с. 41, 126.

²⁹ Достоевский, VI, с. 90.

³⁰ Достоевский, VII, с. 42, 127.

³¹ См.: Зализняк, 1967, с. 284.

³² Пушкин, II, с. 206.

³³ То, что выражение *быть* (или *остаться*) с носом имеет особый идиоматический смысл, в данном случае не имеет значения.

³⁴ Пушкин, VIII, с. 318.

³⁵ Пушкин, VIII, с. 457. Ср. еще в «Table-talk» (XIX): «Был очень дурен лицом, к тому же и без носу» (там же, XII, с. 161).

³⁶ Пушкин, XII, с. 118.

³⁷ Это то различие, которое обсуждает Платон в «Софисте» (240d, ср. 237a, 237e): «— Ты говоришь, следовательно, что ложное мнение — это мнение о несуществующем? — Безусловно. — Представляет ли оно собой мнение о том, что несуществующего нет, или вовсе не существующее все-таки есть?» (Платон, II, с. 356, ср. с. 350—351).

В экзистенциальной философии Хайдеггера «Nichtung» относится к реальности, т. е. понимается как нечто существующее, как то, что манифестируется в реальности: согласно Хайдеггеру, «ничто» (Nichtung) реально существует и даже может ощущаться (оно проявляется в чувстве страха); равным образом мы ощущаем и бытие (Sein), причем «Sein» понимается как отрицание того, что называется «Nichtung». Кажется очевидной языковая ограниченность подобных философских воззрений, иначе говоря, зависимость Хайдеггера от романо-германского языкового опыта. В рамках немецкого или английского (или же латинского) языкового сознания можно обсуждать существование денотатов, соответствующих словам *ничто*, *никто* и т. п. В других же языках, как, например, в славянских, подобные слова могут осознаваться как интеллектуальная конструкция, как продукт нашего языка, т. е. как то, что принадлежит виртуальной, а не актуальной реальности. В русском языке такие слова, как *никто* или *ничто*, не соотносятся непосредственно с описываемой с реальностью, но соотносятся с ней через язык, который служит для описания реальности; в романо-германских же языках соответствующим

щие слова относятся непосредственно к тому, чего нет, т. е. к пустым (нулевым) сущностям; тем самым им может приписываться существование — подобно тому, как существование может приписываться нулю или же отрицательным числам. Иначе говоря, в романо-германских языках при употреблении отрицательных местоимений отрицание предполагает утверждение отсутствия обсуждаемого явления, в славянских же языках — отрицание присутствия этого явления.

³⁸ Ср. «о нем ни *слуху*, ни *духу*» (ни капли слуха) и «у него нет ни *слуха*, ни *голоса*» (вообще нет слуха). Примеры из работы: Исаченко, 1962, с. 94; интерпретация наша.

³⁹ Гоголь, III, с. 50.

⁴⁰ См.: Ворт, 1998, с. 10—12. Д. С. Ворт рассматривает исключительно предложные конструкции с винительным падежом (вероятно, считая их исходными по отношению к другим конструкциям такого рода) и говорит о сходстве их с фразами, включающими как второй родительный, так и второй предложный падеж. Мы будем обсуждать в этом контексте лишь второй родительный падеж.

⁴¹ Ср. у Лескова: «...магушка пожелала, чтоб я вышел *из учителей* и пошел *в чиновники*» («Смех и горе» — Лесков, III, с. 486).

⁴² См. вообще о категории личности-неличности: Ельмслев, 1972.

⁴³ Ворт, 1998, с. 10.

⁴⁴ Ср.: Аванесов и Сидоров, 1945, с. 121. — Фразы *произвести в офицера* и *произвести в офицеры*, *рукоположить в митрополита* и *рукоположить в митрополиты* почти не различаются по смыслу, но это не означает, что они абсолютно тождественны: в некоторых контекстах выбор той или иной конструкции оказывается значимым. Вот характерный пример.

В конце XIV в. на Руси возник конфликт между московским великим князем Дмитрием Ивановичем (Донским) и митрополитом Киприаном, который в 1375 г. был поставлен в митрополиты (вопреки каноническим правилам) при

жизни митрополита Алексия, с тем чтобы после смерти последнего стать его преемником в качестве митрополита «всех Руси». При жизни Алексия Киприан управлял приходами Литовской Руси, но после его смерти он (Киприан) явился в Москву (в 1378 г.) как митрополит «всех Руси»; великий князь его не принял и послал в Константинополь своего ставленника, архимандрита Михаила-Митря (Михаил было его иноческим именем, Дмитрий — мирским) «для рукоположения в митрополита Великой Руси». Михаил-Митря умер по пути в Константинополь (в 1379 г.), после чего в митрополиты был поставлен один из его спутников, архимандрит Пимен: константинопольский собор 1380 г. определил «рукоположить Пимена в митрополита Великой Руси» (см.: Успенский, 1998, с. 380, 388). Обе цитаты восходят к греческим источникам. Цитируя определения константинопольского синода, русские историки говорят в обоих случаях именно о рукоположении «в *митрополита*», а не «в *митрополитъ*» (ср. перевод греческих текстов: РИБ, VI, прилож., № 30, 33, стлб. 178, 180, 206), подчеркивая тем самым, что это поставление имело исключительный и персональный характер: беспрецедентное выделение митрополии Великой Руси явно не входило в интересы Константинополя, но Константинополь вынужден был уступить великому князю, с тем чтобы в дальнейшем вновь объединить митрополию. Фраза «рукоположить в *митрополиты* Великой Руси» предполагала бы, вообще говоря, существование или установление великорусской митрополии, тогда как фраза «рукоположить в *митрополита* Великой Руси» подчеркивает уникальность такого поставления, которого никогда не было в прошлом и не должно было быть в будущем.

⁴⁵ См.: Ротстейн, 1977, с. 98.

⁴⁶ Ср. в этой связи выражение *разъезжать по Европам* (см.: Исаченко, I, с. 91).

⁴⁷ В. В. Виноградов писал в этой связи: «С помощью множественного числа образуются словосочетания из форм слов, обозначающих социальное положение, занятие,

промысел, ремесло (метонимически через обозначение лиц данной профессии, звания, ремесла), и предлога *в* (с винительным и местным падежами) при глаголах: *служить в дворниках, в домработницах* и т. п.; *поступить в студенты, пройти в аспиранты* и т. п.» (Виноградов, 1947, с. 165; гл. I, § 32). Цитируя это высказывание, Р. Ротстейн добавляет: «More precisely we might characterize the type of metonymy exemplified in the passage from Vinogradov as the use of a noun designating the members of a certain category to refer to the ranks of the members of that category» (Ротстейн, 1977, с. 97).

⁴⁸ Ворт, 1998, с. 11. Формулируя это правило, Д. С. Ворт считает нужным сделать следующую оговорку: «Адъективные определения (и эквивалентные им формы приименного родительного существительных) в конструкциях “*в* + аккузатив” возможны, как правило, только тогда, когда они являются составной частью наименования социальной или профессиональной группы: *Он попал в старшие инженеры*, но не **Он попал в добросовестные инженеры*». Эта оговорка не необходима: *Он попал в старшие инженеры* сказать можно не потому, что определение представляет здесь «составную часть наименования социальной или профессиональной группы», а потому, что *старший инженер* — это неразложимое словосочетание, название должности, представляющее собой самостоятельную лексическую единицу (как, например, *первый секретарь, associate professor* и т. п.). То же относится и к выражениям *выйти в большие чины, быть в больших чинах*, где словосочетание *большие чины* обладает самостоятельным значением, т. е. представляет собой фразеологическое единство. Ср. еще: *взять в горничные девки* (пример А. А. Потебни, см.: Потебня, 1888, с. 63).

⁴⁹ Ворт, 1998, с. 11—12. Понятие грамматической индивидуализации (и, соответственно, дезиндивидуализации) было предложено Шахматовым при рассмотрении специфики второго родительного падежа в его отношении к первому родительному (ср. выше, примеч. 13).

⁵⁰ Обсуждая конструкции типа *пойти в солдаты*, В. И. Чернышев отмечает как пример неправильного словоупотребления следующую фразу: «Идет лов провинциалов в момент перехождения их в студентов» («Биржевые Ведомости» от 19 августа 1910 г., № 11874): по его мнению, следовало бы сказать в данном случае не *в студентов*, а *в студенты* (Чернышев, II, с. 79). Кажется, это неверно: при всей стилистической неудачности данной фразы возможна, видимо, как та, так и другая конструкция — но они выражают разные смысловые оттенки. Цитированная фраза выражает превращение каждого (по отдельности) отлавливаемого провинциала в студента, т. е. общий процесс превращения провинциалов в студенты рассматривается как множество отдельных, единичных процессов. В варианте В. И. Чернышева речь идет о безличной массе отлавливаемых провинциалов, которые все (в своей совокупности, а не каждый по отдельности) меняют свой статус, а именно, становятся студентами.

⁵¹ Этот пример приводит Р. Ротстейн (Ротстейн, 1977, с. 98), цитируя повесть Вячеслава Шугаева «Проводины» (М., 1969, с. 101). Речь идет о подростке, который с нетерпением ждет времени, когда он сможет получить паспорт; его отец подсмеивается над ним: «...Ты как бы кандидатом во взрослые станешь. Ха-ха, Генка! Кандидат в граждане!».

Как видим, фраза *кандидат в граждане* появляется вместе с фразой *кандидат во взрослые* — и воспринимается именно на фоне этой последней фразы. Таким образом, перед нами своего рода *hарах legomenon*, который оказывается возможным, видимо, постольку, поскольку ему предшествует стандартная конструкция такого же рода. Как бы то ни было, данный пример представляется исключительно показательным: здесь обнажаются внутренние механизмы языкового сознания, служащие для образования интересующей нас конструкции.

⁵² Р. Ротстейн и вслед за ним Д. С. Ворт рассматривают фразу *кандидат в граждане* под иным углом зрения —

как свидетельство превращения одушевленного объекта в неодушевленный в конструкциях такого рода. Ср.: «*Here кандидат в граждане* is the type of construction that we have been considering, in which *гражданин* has had its specification changed from [+animate] to [-animate]. Thus the accusative plural should be the same as the nominative *граждане*. But such a nominative plural is one of the few examples in Russian of an explicitly [+human] form. It cannot therefore be used as an inanimate accusative, so the speaker picks a form that otherwise does not exist, but which is modeled on other inanimate accusatives. (Native informants, provided with the above context, have produced yet another pseudo-accusative: *гражданы*.)» (Ротштейн, 1977, с. 98—99; ср.: Ворт, 1998, с. 10—11). Превращение одушевленного объекта в неодушевленный обусловлено, на наш взгляд, именно тем, что существительное во множественном числе не обозначает в подобных конструкциях совокупность одушевленных объектов (лиц), выступая как обозначение безличной массы, материала, субстанции (см. § II-1). Поскольку собирательная форма *граждане* (являющаяся стандартной формой множественного числа от *гражданин*) означает совокупность одушевленных объектов (множество отдельных граждан), использование ее в данной конструкции оказывается неуместным; соответственно, возникает потребность образовать особую форму множественного числа для обозначения нерасчлененного множества, массы, трактуемой как неодушевленный объект.

⁵³ Ср.: «*Идти за водою, за грибами*, правильнее *по водою, по грибѣ*» (Даль, I, с. 548). И. А. Бодуэн де Куртенэ, редактор 3-го издания словаря Даля, поставил после слова «правильнее» знак вопроса (Даль-Бодуэн, I, стлб. 1370). Указание Даля вызвало сомнение редактора, поскольку фразы *идти за водою, за грибами*, вообще говоря, являются вполне правильными фразами, отвечающими норме русской речи. Вместе с тем понятно, что имеет в виду Даль: речь идет в данном случае не о грамматической или стилистической правильности, а о табуированности соответствующей

щих фраз с предлогом *за*; действительно, человека, употребившего такого рода конструкцию, могут поправить, и именно в этом смысле фразы с предлогом *по* могут считаться более правильными (иначе говоря, они являются более уместными). В академическом словаре церковнославянского и русского языка фразы *идти по дрова*, *по ягоды* (вместо *за дровами*, *за ягодами*) сопровождаются пометой «простонародное» (Словарь цсл. и рус. яз., III, стлб. 489). У Пушкина в «Барышне-крестьянке» Лиза, которая имитирует крестьянскую речь, говорит: «я дочь Василья кузнеца, иду *по грибь*»; ср., однако, ниже: «Ну я когда-нибудь опять сюда приду *за грибами*» (Пушкин, VIII, с. 114, 115, ср. с. 676); *прийти за грибами*, кажется, более допустимо, чем *пойти за грибами*.

⁵⁴ Грибы в славянских народных верованиях могут восприниматься как живые, активные существа (в частности, обладающие даром речи); «поведение грибов в растительном мире подобно поведению колдунов среди людей» (Белова, 1995, с. 549). Вместе с тем вода понимается как среда обитания нечистой силы и душ умерших людей (Виноградова, 1995, с. 386).

⁵⁵ Слово *вóды* имеет особое лексическое значение, отличное от значения слова *вода*.

⁵⁶ В. Чернышев замечает: «Слова *власти* и *лица* в значении людей обыкновенно употребляются как названия предметов неодушевленных (*опирается на светские власти; называю такие лица, которые мне знакомы*). Но возможно и употребление: *просить властей, называть известных лиц*» (Чернышев, II, с. 79).

⁵⁷ Ср.: Виноградов, 1947, с. 163 (гл. I, § 32).

⁵⁸ Ср. у Сухово-Кобылина в «Свадьбе Кречинского» (акт I, явл. 6): «Я этому Тишке *все руки* обломаю...» (Сухово-Кобылин, 1927, с. 66); в сущности, здесь представлено то же обобщающее значение: выражение *все руки* означает всю совокупность рук, какая бы она ни была (говорящий как бы игнорирует при этом тот факт, что на деле речь может идти всего лишь о двух руках).

⁵⁹ Ср. *звездочка* (фигура, изображающая звезду), *стрелка* (фигура, изображающая стрелу), *значок* (бляха или фигура с изображением знака), *номерок* (бляха с обозначением номера), *крестик* (помета, изображающая крест), *галочка* (помета, подобная изображению галки), *ручка* (рукоятка), *спинка* (стула), *ножка* (стула, стола и т. п.), *плечики* (для одежды), *головка* (лука, гвоздя), *шейка* (рельса, вала и т. п.), *ушко* (иголки), *глазок* (в двери, в картофеле), *носик* (чайника), *носок* (обуви), *бородка* (ключа), *шляпка* (гвоздя, гриба), *корка* (хлеба), *крышка* (ящика, сосуда и т. п.), *ямочки* (на щеках), *ложечка* (под ребрами), *очко* (на игральном костях; круглое отверстие на стульчаке), *очки* (для чтения), *челнок* (в ткацком стане или швейной машинке), *дорожка* (ковровая), *сережки* (у растения), *посошок* (рюмка водки перед дорогой), *зайчик* (скачущий световой отблеск) и т. п. Во всех этих случаях уменьшительная форма означает, что соответствующее слово представлено не в прямом, а в переносном смысле. На это явление обратил внимание А. А. Зализняк, которому принадлежат некоторые из приведенных примеров; Зализняк обнаружил пример такого рода уже в берестяной грамоте из Старой Руссы № 8, первой половины XII в.: *звѣздѣкъ* 'фигуры звезд в узор на ткани' (см.: Зализняк, 2004, с. 328). Таким образом, это достаточно древняя модель словообразования в русском языке: вместе с тем, как отчасти видно из приведенных примеров, она остается вполне продуктивной. Характерно в этом смысле, что Третьяковский в своем переводе «Поэтического искусства» (L'Art Poétique) Буало передает фр. *pointe* 'острота' как *шилце* (см.: Третьяковский, I, с. 31).

⁶⁰ Ср. у Гоголя в «Мертвых душах» (гл. IV): «он встретил... старуху в пестрых *ситцах*» (Гоголь, VI, с. 62).

⁶¹ Ср. у Гоголя в «Мертвых душах» (гл. VIII): «он сидел в жестких своих *креслах*» (Гоголь, VI, с. 176).

⁶² Ср. у Сухова-Кобылина в «Свадьбе Кречинского» (акт II, явл. 1): «Наведет содом целый, кутит так, что *страхи берут*» (Сухово-Кобылин, 1927, с. 105).

⁶³ Ср. у Лескова в «Гёскуда» (кн. II, гл. 28). «Ит сочи-
няйте вздор» (Лесков, II, с. 492).

⁶⁴ Ср. еще примеры: Потебня, 1888, с. 66—67; Шахма-
тов, 1941, с. 444—445 (§ 509); Виноградов, 1947, с. 163—
166 (гл. I, § 32).

⁶⁵ Ср. в этой связи также такие выражения, как *лечиться
срязями, быть на водах, наступили холода* (что может озна-
чать вообще холодное время, т. е. непрерывный холод, а не
отдельные холодные дни) и т. п. Фраза «И вот уже трещат
морозы» у Пушкина («Евгений Онегин», IV, 42) означает:
уже слышится треск мороза, т. е. форма *морозы* не имеет
значения множественного числа (имеется в виду один и тот
же мороз, а не разные морозы).

⁶⁶ Ср.: «Формами множественного числа characterизу-
ются обозначения меха, шубы из шкуры какого-нибудь
животного (метонимически через посредство названий са-
мого животного во множественном числе): “иззяб в *эно-
тах-то*” (Е. Карпов. “Зарево”); у Гоголя: “шинель *на мед-
ведях*”; *в бобрах* и т. п.» (Виноградов, 1947, с. 165; гл. I,
§ 32). Существительное во множественном числе может
при этом сопровождаться определением (см. в «Мертвых
душах», гл. II: «шинель *на больших медведях*» — Гоголь,
VI, с. 21). Ср. пример, где в одной фразе представлены
формы единственного и множественного числа с одним и
тем же значением: «Не успел он выйти на улицу, размыш-
ля обо всем этом и в то же время таща на плечах *медведя*,
крытого коричневым сукном, как на самом повороте в пе-
реулок столкнулся с господином тоже в *медведях*, крытых
коричневым сукном...» («Мертвые души», гл. VII — Го-
голь, VI, с. 140).

⁶⁷ Потебня (1888, с. 29—32) приводит примеры из укра-
инских текстов XVII—XVIII вв., где множественное число
используется для обозначения материала, представленного
в виде общей массы: «немалая купа бочокъ с *порохами*»,
«*порохи* в цекгавзу [т. е. в цейхгаузе] запалились», «скарб-
ници с *порохами*», «людемъ на Сѣверу не тилко сѣна, але и
соломъ на хатахъ не ставало» (Летопись Самовидца, 1878,
с. 136, 114, 157, 133); «жеби *пивов* и *медов* не било варен-

но», «*с милликал, що мила роблять*» (вирши Климента, Зиновьева сына, см.: Кулиш, 1861, с. 216, 229). В отношении последнего примера Потебня замечает: «Едва ли автор разумел *мыла* в смысле разных сортов: вероятнее — в знач[ении] массы, которой противопоставляется ед[инственное] ч[исло] в знач[ении] куска» (с. 30).

⁶⁸ См.: Зализняк, 1967, с. 228.

⁶⁹ См. сводку примеров с формами того и иного рода у В. И. Чернышева (Чернышев, II, с. 72—75), С. П. Обнорского (II, с. 152—175) и Л. К. Граудиной (Граудина, 1964; Граудина, 1964а).

⁷⁰ Они перечислены у А. А. Зализняка (1967, с. 228).

⁷¹ Пушкин в «Истории Пугачева» регулярно употребляет форму родительного множественного *гусар*, если речь идет о воинском соединении (т. е. совокупности, рассматриваемой как целое): «Казанский магистрат... вооружил на свое иждивение один эскадрон *гусар*» (Пушкин, IX, с. 39); «...баталион гренадер и два эскадрона *гусар*... прибыли» (с. 39); «Полковник Бибиков... с четырьмя гренадерскими ротами и одним эскадроном *гусар*» (с. 44); «Щербатов... с одним эскадроном *гусар*» (с. 61); «Михельсон выступил противу их с осьмьюстами карабинер, *гусар* и чугуевских казаков» (с. 65). Вместе с тем здесь же находим: «Но, вместо Пугачевских полчищ, с изумлением увидели *гусаров* Михельсона, скачущих в город с офицером, посланным от него к губернатору» (с. 64): форма *гусаров* закономерно появляется там, где речь идет об отдельных гусарах, а не о контингенте или воинском соединении, составляющем единое целое. Ср. еще у Пушкина: «В кругу *гусаров* поселых» («Усы» — Пушкин, I, с. 179), «Не слишком мудрых усачей, // Но сердцем истинных *гусаров*» («Послание В. Л. Пушкину» — там же, I, с. 251, II, с. 29); «Вдруг толпа *гусаров* окружила нас с ужасною бранью» («Капитанская дочка», гл. XIII — там же, VIII, с. 360). Как видим, Пушкину естественно сказать *эскадрон гусар*, но *толпа гусаров*: в одном случае речь идет о воинском соединении, в другом — о более или менее случайном объединении представителей этого рода войск. Ср. еще в письме П. А. Плетневу

от 26 марта 1831 г.: «А дома́ вероятно ныне там недороги: гусаров нет, двора нет — квартал пустых много» (там же, XIV, с. 158): и в этом случае речь идет об отдельных гусарах, а не об их объединении.

⁷² Ср. у Пушкина: «Как надобно писать: *турков* или *турок*? то и другое правильно» («Опровержение на критики», 1830 г., см.: Пушкин, XI, с. 148).

⁷³ Л. К. Граудина приводит пример из «Сентиментального путешествия» Виктора Шкловского, где можно встретить разные формы родительного множественного от слова *айсор*, ср.: «И я, будь я в то время в Версале, встрял бы в эту драку на сторону *айсор*» и «Для *айсоров* персы как масло для ножа» (Граудина, 1964, с. 188). И здесь есть едва уловимое семантическое различие: «на сторону *айсор*» означает «вместе со всеми айсорами» (имеется в виду общая совокупность представителей данной национальности, т. е. народ в целом); «для *айсоров*» означает «для каждого айсора».

⁷⁴ См.: Чернышев, II, с. 73. Пример из Е. Н. Чирикова («В лощине меж гор»).

⁷⁵ См.: Зализняк, 1964, с. 38. А. А. Зализняк приводит также примеры *продажа чулок, сапог, но много синих чулков, догоним этих сапогов*, которые осложнены тем, что формы *чулков* и *сапогов* относятся к одушевленным объектам; последние при этом трактуются индивидуально, не объединяясь в группы: *синий чулок* (калька с англ. blue-stocking), как известно, обозначает сухую, педантичную женщину, *сапог* в данном контексте выступает как обозначение неумелого человека, растяпы.

⁷⁶ Ср. у Пушкина: «живой без *сапог* обойдется» («Гробовщик» — Пушкин, VIII, с. 90, ср. с. 628) и «Не торговал мой дед блинами, // Не ваксил царских *сапогов*» («Моя родословная» — там же, III, с. 261, ср. с. 875). В первом случае имеется в виду пара сапог, во втором случае перед глазами встает картина слуги, который ваксит множество сапогов подряд — один за другим. У Достоевского: «[Лямшин] целовал пол, крича, что недостосин целовать даже *сапогов* стоявших пред ним сановников» («Бесы», ч. III,

гл. 8 — Достоевский, X, с. 510); проблема парности сапог не является актуальной в этом контексте, что и обуславливает форму *сапогов*.

Ср. в этой связи описание покаяния старообрядца Никиты Добрынина («Пустосвята») на московском соборе 1666 г. В деяниях собора говорится, что Никита «припаде слезен чрез писанія къ ногама освященнаго собора, прося прошенія и разрѣшенія от союза клятвеннаго» (Деяния соборов 1666—1667 гг., л. 19 об. второй фолиации). Здесь употреблена форма двойственного числа (*ногама*), как если бы собор имел две ноги — постольку, поскольку собор выступает как нерасчлененное целое. Если бы была употреблена форма множественного числа, получилось бы, что Никита имеет в виду конкретные ноги каждого из членов собора, т. е. просит прощения и разрешения у каждого из членов собора, а не у всех вместе.

⁷⁷ «Российская грамматика», § 491 (Ломоносов, VII, с. 558). Заслуживает внимания указание Ломоносова — очень точное, — что такого рода конструкция употребляется лишь по отношению к людям (при этом только со словами мужского и общего рода, а также со словом среднего рода *лицо*). В самом деле, считается неправильным выражение **двое волков* (вместо *два волка*) и т. п. (см.: Шахматов, 1925, с. 92; Зализняк, 1964, с. 30). Как в конструкции *пойти в солдаты*, так и в конструкции *двое слуг* существительное во множественном числе означает обезличенную субстанцию, не поддающуюся индивидуализации, — безликую массу, состоящую из людей, которые теряют свой индивидуальный характер. Что же касается слов, обозначающих женщин, животных и неодушевленные объекты, то они оказываются как бы изначально обезличенными и поэтому не могут подвергаться дезиндивидуализации.

⁷⁸ Еськова, 1983, с. 689 (§ 5). Ср.: Обнорский, II, с. 167.

⁷⁹ Бидер, Большаков, Еськова, I, с. 38. Счетный падеж определяется в этой работе как 3-й родительный падеж.

⁸⁰ Толстой, VII, с. 43.

⁸¹ Потевня (1888, с. 8—10) приводит сходные примеры из народных песен из собрания П. В. Киреевского: «А узнали тутова цари неверные, што во Киеви *богатыри* ушли в монастыри. Приходит втогда туда неверный царь» (Киреевский, III, с. 43; в монастырь ушел лишь один богатырь Данило Игнатьевич); «И взбегала она на *чердаки* на вышние... наводила трубками немецкими... и увидела добраго молодца Илью Муромца и бросалась с *чердака* во свои высокие терема» (Киреевский, I, с. 43). Ср. еще украинский пример из «Записок о Южной Руси» П. Кулиша (Кулиш, I, с. 61—62): «Тогді-то Хмельницький... одь своїх рукъ *листки* писавъ..., а въ *листахъ* приписувавъ: “Эй Полоняне...”» (имеется в виду одно письмо Хмельницкого, см.: Потевня, 1888, с. 11). У Короленко в рассказе «Марусина заимка» (гл. III) крестьянин говорит: «Дело субботнее: в нашей, мол, деревне, пожалуй, уже и к *вечерням* ударили» (Короленко, II, с. 491); по-видимому, имеется в виду вечерняя служба, отправляемая в одной церкви.

В другом месте Потевня рассматривает противоположное явление: «когда един[ственное] число означает предмет, находящийся в каждой из единиц, составляющих множество (о коем говорится), и рассматриваемый независимо от индивидуальных различий: “повелено брить *им бороду*” (Пушкин)» («Предполагают ли существительные имена качества значение собирательности?», в изд.: Потевня, III, с. 25, ср. с. 24—36). Потевня цитирует здесь пушкинскую «Историю Пугачева» (гл. I — Пушкин, IX, с. 10).

⁸² Относительно значения уменьшительной формы см. выше (примеч. 59).

⁸³ В самом деле, имена в первую очередь ассоциируются с объектами, глаголы — с процессами; объекты находятся в пространстве, процессы реализуются во времени. Можно сказать вообще, что грамматическое различие между именем и глаголом в принципе отражает эпистемологическое различие пространства и времени. Специфические именные категории (такие, как категория падежа) имеют первичное пространственное значение (они выражают отношения в пространстве), специфические глаголь-

ные категории (такие, как категория времени) имеют первичное временное значение (они выражают отношения во времени).

Языковое высказывание строится во времени и в принципе предполагает наличие глагола. Значение высказывания может быть выражено именной синтагмой (ср., например: *Отец любит* и *Любовь отца*); различие состоит в том, что именная синтагма никак не соотносится с временем, тогда как высказывание обязательно с ним соотносится.

⁸⁴ См.: Буслаев, 1959, с. 364—365; Виноградов, 1947, с. 545—549 (гл. VII, § 49), ср. с. 502 сл. (гл. VII, §§ 31 сл.); Кузнецов, 1953, с. 262—266; Кузнецов, 1959, с. 261—266; Никифоров, 1952, с. 115—116; Черных, 1953, с. 341—342; Котков, 1964, с. 267—270; Лопушанская, 1967, с. 31 сл.; Пеннингтон, 1980, с. 278—279 (§ 3.24); Горшкова и Хабургаев, 1981, с. 332—335; Живов, 1992, с. 247 сл.

⁸⁵ Шахматов, 1903, II, с. 44 (№ 26); ср. там же, I, с. 133.

⁸⁶ Шахматов, 1903, II, с. 104 (№ 84); ср. там же, I, с. 133.

⁸⁷ Доп. АИ, V, с. 101, № 26.

⁸⁸ См.: Живов, 1992, с. 248 сл.; Успенский, 1987, с. XIII—XIV; Успенский, 1988, с. 102—103; Успенский, 1989, с. 232—233; Успенский, 1997, с. 468—469.

⁸⁹ Форма имперфективного аориста *бѣх* и итеративная форма *бывах* выступают в данном случае как варианты (Ягич, 1896, с. 582).

⁹⁰ Ягич, 1896, с. 566—567, 572, 575, 578, 582, 583. Ср.: Ворт, 1983, с. 101.

⁹¹ Особенно показательна в этом смысле форма *хачивах*, отражающая чередования *а/о* и *т/ч* (см.: Кузнецов, 1953, с. 265; Кузнецов, 1958, с. 19—20; Кузнецов, 1959, с. 265).

⁹² Копиевич, 1700, с. 192, 215, 248, 267.

⁹³ Там же, с. 171, 192.

⁹⁴ Копиевич, 1706, л. С/1 об.—2. Ср.: Живов, 1986, с. 111.

⁹⁵ Рукопись Гарвардского университета (The Houghton Library): Kilgour, MS Russ 5. См.: Успенский, 1989, с. 232—233; Успенский, 1997, с. 475—487. Далее в тексте — ссылки на страницы указанной рукописи.

⁹⁶ Поликарпов, 2000, с. 294, 300 сл. Ср.: успенский, 1994, с. 109—111; Успенский, 1997, с. 501—506; Успенский, 2002, с. 507—508.

⁹⁷ Ср. в предварительной редакции «Технологии...» Федора Поликарпова 1723—1725 гг.: «Мш. [т. е. мимошедшее]: что давно, или лонй дѣльываль» (Поликарпов, 2000, с. 237).

⁹⁸ Шванвиц, 1730, с. 259—261, а также с. 217. Ср.: Живов, 1992, с. 257, 266 (примеч. 13); Успенский, 1989, с. 241 (примеч. 34); Успенский, 1997, с. 542—543 (примеч. 59).

⁹⁹ Ср. также форму *хваливаль* у Шванвица (Шванвиц, 1730), которой может усваиваться как значение имперфекта, так и значение плюсквамперфекта: соответственно, *хваливаль* соотносится как с *ich lobete*, так и с *ich hatte gelobet*; *меня хваливали* — как с *ich ward (wurde) gelobet*, так и с *ich war gelobet werden* (с. 217); в другом случае, однако, мы находим противопоставление: «имперфектумъ» *я хваливаль* (*ich lobete*) — «перфектумъ» *я хвалиль* (*ich habe gelobet*) — «плюсквамперфектумъ» *я давно хвалиль* (*ich hatte gelobet*) (с. 237). Ср. еще: «имперфектумъ» *я бываль* (*ich war*) — «перфектумъ» *я былъ* (*ich bin gewesen*) — «плюсквамперфектумъ» *я давно бываль* (*ich war gewesen*) (с. 227).

¹⁰⁰ Лебедев, 1746, с. 103, 106, 108, 126, 128, 132, 199. Ср.: Живов, 1992, с. 258—259.

¹⁰¹ Ломоносов, VII, с. 480, 491—493, 502, 507, 514, 518, 520, 522, 524, 527—529, 534, 536, §§ 268, 316—328, 360—362, 380—381, 396—397, 404, 407, 422, 425). Ср. также подготовительные материалы к «Российской грамматике» (там же, с. 680—681, 686—688, 696, 698). Как видно из подготовительных материалов, Ломоносов первоначально определял данное время не как «давно прошедшее», а как «прешедшее давнешнее учащательное» (там же, с. 698). При этом у Ломоносова четко прослеживается ассоциация подобных форм с русским, а не с церковнославянским языком, ср. в подготовительных материалах к грамматике: *рождаю, рождалъ, но раживаль* (там же, с. 693, ср. также

с. 628) — в итеративной форме закономерно появляется не *жд*, но *ж* в рефлексе общеславянского *dj.

Наряду с простыми итеративными формами, Ломоносов относит к «давно прошедшему» времени аналитические конструкции со словом *бывало*, которое может соединяться при этом как с итеративной формой, так и с обычной формой несовершенного вида: *брасывал — бывало бросал — бывало брасывал* («Российская грамматика» — Ломоносов, VII, с. 480—481, 502, 507, 518, 524, 527, 536, §§ 268—269, 360, 362, 396, 404, 407, 425; ср. подготовительные материалы к грамматике — там же, с. 629—630, 681, 698).

Аналитические конструкции с *бывало* соотносятся с итеративными формами и в грамматике Сойе 1724 г. (см.: Сойе, I, с. 117—118, 151—152, 162—163, 171—172, 182—183, 191, 199, 206, 214, 222, 230, 238, 247, 254, 264, 271, 279, 286, ср. с. 293, 300). Сойе, однако, ассоциирует с формой итератива конструкцию «*бывало* + форма настоящего времени» (*я ночевоваль — бывало я ночью*); при этом он относит как итеративные глагольные формы прошедшего времени, так и конструкции с *бывало* к формам имперфекта, а не плюсквамперфекта (см. подробнее: Успенский, 1987, с. XIII—XIV; Успенский, 1988, с. 102—103; Успенский, 1997, с. 468—469, 542—543). Ср. в этой связи конструкции «*бывало* + форма будущего времени (т. е. исторически — форма совершенного вида настоящего времени)» со значением обобщенного и тем самым отчужденного прошлого, типа *Он бывало выпьет* и т. п., а также аналогичные диалектные конструкции с *было* (к анализу подобных конструкций см.: Шевелева, 1993, с. 147).

¹⁰² Барсов, 1981, с. 576—580.

¹⁰³ Обнорский и Бархударов, I, с. 52—53.

¹⁰⁴ Новомбергский, I, с. 584—585 (№ 325). — Ср. в этой связи: Потеня, IV, с. 99; Оттен, 1978, с. 32—33.

¹⁰⁵ ПСРЛ, XXXI, с. 156.

¹⁰⁶ АИ, I, с. 366.

¹⁰⁷ Рыбников, I, с. 210 (№ 30).

¹⁰⁸ Киреевский, III, с. 40.

- ¹⁰⁹ Бессонов, I, с. 72 (№ 27).
¹¹⁰ Новомбергский, I, с. 119 (№ 64).
¹¹¹ Там же, с. 306 (№ 169).
¹¹² Пушкин, VIII, с. 102.
¹¹³ Новомбергский, I, с. 224 (№ 135).
¹¹⁴ Там же, с. 94 (№ 60).
¹¹⁵ Пушкин, VIII, с. 73.
¹¹⁶ Тургенев, V, с. 85.
¹¹⁷ Новомбергский, I, с. 300—301 (№ 168).
¹¹⁸ Там же, с. 58 (№ 47).
¹¹⁹ Там же, с. 90 (№ 60).
¹²⁰ Там же, с. 586, 588 (№ 326).
¹²¹ РИБ, XXXII, с. 485).
¹²² См.: Кузнецов, 1959, с. 265.

¹²³ Ср. в этой связи критические замечания В. М. Живова в адрес Дмитрия Герасимова, автора «Донатуса» 1522 г.: «Значение латинских времен он [Герасимов] воспринимает... достаточно странным образом, например... плюсквамперфект не ассоциируется для него с предшествованием в прошлом: он передает его итеративом (*любливах, учивах, хачивах*) — который не имеет в своем значении ничего общего с плюсквамперфектом (итератив скорее мог бы передавать имперфект, обозначающий обычное действие...). При столь неадекватном понимании латинского синтаксиса было бы неосторожно делать какие-нибудь выводы о восприятии семантики русских глаголов из устанавливаемых Герасимовым латинско-русских соответствий. В этом плане материалы «Донатуса» вряд ли могут быть плодотворно использованы» (Живов, 1986, с. 103). Этот упрек, безусловно, несправедлив: употребление итеративных форм в плюсквамперфектном значении соответствует речевому узусу, и таким образом показания Дмитрия Герасимова оказываются достаточно достоверными. Вместе с тем, сомнения В. М. Живова отчетливо демонстрируют те трудности, которые вызывает соотнесение значений итератива и плюсквамперфекта в современном русском языковом сознании.

¹²⁴ Это особенно наглядно проявляется в том случае, когда глагол *сидеть* относится к пребыванию в тюрьме: фраза *Он сидел* означает 'он был арестован'.

¹²⁵ Это отмечал уже Ломоносов: «Прошедшее неопределенное время заключает в себе некоторое деяния продолжение или учащение и значит иногда дело совершенное: *Гомеръ писалъ о гнѣвѣ Ахиллесовѣ*; иногда несовершенное: *онъ тогда ко мнѣ пришолъ, какъ я писалъ*» («Российская грамматика» — Ломоносов, VII, с. 480, § 269, ср. подготовительные материалы к грамматике Ломоносова — там же, с. 680—681).

¹²⁶ Согласно Ф. И. Буслаеву, сочетание итеративной формы в прошедшем времени с отрицательной частицей *не* служит «для означения сильнейшего отрицания» (Буслаев, 1959, с. 364—365, § 188).

¹²⁷ Новомбергский, I, с. 468—469 (№ 255).

¹²⁸ Там же, с. 83 (№ 60).

¹²⁹ Там же, с. 88 (№ 60).

¹³⁰ Там же, с. 279 (№ 160).

¹³¹ Там же, с. 19—21 (№ 22).

¹³² Там же, с. 133 (№ 75).

¹³³ Там же, с. 44 (№ 35).

¹³⁴ Владимов, II, с. 217.

¹³⁵ Короленко, I, с. 194.

¹³⁶ Толстой, XI, с. 115.

¹³⁷ Карамзин, 1984, с. 386.

¹³⁸ См.: Потебня, IV/2, с. 100.

¹³⁹ Грамоты, 1949, с. 326 (№ 340).

¹⁴⁰ См.: Зализняк, 1990, с. 110 сл. — Введение отрицания (особенно в сочетании с усиливающими наречиями, типа *никак не*, *нигде не*, *никогда не* и т. п.) показывает, что соответствующее действие ни разу не совершается. В такого рода контексте достаточно обозначить однократность действия, при том что само действие может мыслиться как многократное, повторяющееся. Обсуждая такие фразы, как *Почему ты не зайдешь?*, *Почему ты никогда не зайдешь?*, А. А. Зализняк замечает: «В подобных случаях такая форма выражения фактически служит средством

усиления смысла; а именно, создается примерно следующий смысл: “я считаю естественным (желательным), чтобы ты заходил время от времени (т. е. неоднократно); ты же не зашел даже ни одного раза”» (там же, с. 113).

Строго говоря, наличие отрицания не является непременным условием употребления формы совершенного вида при обозначении повторяющегося действия, ср., например: *Этот человек раз в год правду скажет, Она живет только тем, что с дома получит*, и т. п. Очевидно вместе с тем, что в данном контексте всякий раз имплицитно подразумевается отрицание, т. е. подчеркивается, что вообще он не говорит правды, вообще она не получает денег и т. п.

В других случаях форма совершенного вида настоящего времени может обозначать повторяющееся действие в прошлом (см.: Виноградов, 1947, с. 454—455; гл. VII, § 54). Такого рода употребление, по всей видимости, восходит к соответствующим конструкциям с *бывало*, ср. *он бывало выпьет* и *он выпьет*. Ср. выше (примеч. 101).

¹⁴¹ Напротив, в положительной конструкции человек может сказать *у меня есть книги*, даже если у него есть всего одна книга.

¹⁴² Ср. в этой связи замечания Лудольфа (см.: Лудольф, 1696, с. 14—15; ср. то же: Сойе, I, с. 23) и особенно Ломоносова; Ломоносов при этом фактически устанавливает параллелизм между характеристикой предмета и характеристикой действия в подобных конструкциях. См.: «Принимают нередко действительные глаголы и родительный падеж, когда их сила не ко всей вещи, но к части, и не на все время, но ненадолго простирается: *дай воды*, то есть немного, часть оная; в прочем должно сказать: *дай воду*. *Посулить кому лошади* разумеется не на долгое время; *посулить лошадь* значит, чтоб отдать ее вовсе. В сем заключается еще учтивость: *покажи свою книгу* — сказано со властью; *покажи своей книги* — речь учтивее» («Российская грамматика» — Ломоносов, VII, с. 561, § 503; ср. то же: Барсов, 1981, с. 212); или еще: «*Поддай воду*. *Поддай воды*, часть, на время. *Дай книгу*, значит вовсе. *Дай книги*, значит на час. *Покажи книги* — вежливо. *Покажи книгу* — со

властью» (подготовительные материалы к грамматике — Ломоносов, VII, с. 614—616), «Дай магнита, т. е. ненадолго. Дай магниту, т. е. часть» (там же, с. 637). Таким образом, если предмет членится на части, имя в родительном падеже, управляемое переходным глаголом, обозначает часть, вычлениваемую из целого; если же предмет не членится на части, отношение членимости переносится с предмета на действие или состояние, которое к нему относится.

¹⁴³ Ситуация с именем оказывается, однако, более сложной, поскольку выражение партитивности (членимости) может накладываться здесь на выражение определенности или неопределенности.

Как известно, винительный падеж прямого объекта при переходном глаголе в положительной конструкции коррелирует с родительным падежом в соответствующей отрицательной конструкции. Тем самым, в отрицательной конструкции форма родительного падежа (управляемого переходным глаголом) является немаркированной, нейтральной. Ср., например, фразы «Он дал ему *землю*» и «Он дал ему *земли*»: в этом случае маркирована форма родительного падежа. Между тем в соответствующих фразах с отрицательной частицей маркированной, напротив, оказывается форма винительного падежа, ср.: «Он не дал ему *земли*» и «Он не дал ему *землю*».

Винительный падеж прямого объекта в отрицательных конструкциях может служить для выражения определенности (см.: Тимберлейк, 1975, с. 125—126): речь идет в подобных случаях о каком-то определенном объекте, и отсюда мы всегда можем вставить перед соответствующим словом указательное местоимение без изменения смысла высказывания (ср.: «Я не вижу *корову*», «Я не вижу *эту корову*»). В то же время родительный падеж может выражать как определенный, так и неопределенный объект (ср.: «Я не вижу *этой коровы*» и «Я не вижу *никакой коровы*»).

Если у слова, обозначающего объект при переходном глаголе в конструкции с отрицанием, различаются формы первого и второго родительного, возможными оказываются

ся три варианта, ср., например «*я не вижу чай*», «*я не вижу чая*» и «*я не вижу чаю*». При этом конструкция с первым родительным выступает как нейтральная (немаркированная) — она может выражать любое значение в рамках интересующих нас оппозиций; ей противопоставит как конструкция с винительным падежом, выражающим определенность прямого объекта, так и конструкция со вторым родительным, имеющим значение неопределенности. Значение неопределенности возникает в данном случае постольку, поскольку семантика второго родительного связана именно с произвольной членимостью (ср. выше, § I-1). В то же время функция второго родительного в подобных конструкциях существенно отличается от функции неопределенного артикля: последний употребляется, когда речь идет об отдельных, изолированных объектах, что в принципе не соответствует семантике второго родительного.

¹⁴⁴ Показательно, что как итеративные формы, так и формы второго родительного отсутствуют у заимствованных слов — в той мере, в какой они осмысляются как иноязычные элементы, т. е. имеют особый статус в языке (об особом статусе заимствованных слов в русском языке см. вообще: Юшманов, 1933). Относительно второго родительного см. в этой связи замечания Ломоносова (подготовительные материалы к «*Российской грамматике*» — Ломоносов, VII, с. 647, ср. с. 670) и Буслаева (Буслаев, 1959, с. 215, § 96).

Наличие у заимствованного слова формы второго родительного (например: «*рюмка коньяку*») свидетельствует о том, что данное слово освоено в языке, т. е. не ощущается как заимствование.

¹⁴⁵ Некоторые исследователи называют второй предложный падеж «вторым местным» (см., например: Якобсон, 1985; Ворт, 1998), что едва ли оправдано: второй предложный падеж является собственно местным падежом, тогда как первый предложный падеж может выступать в этой функции (при том что значение местного падежа не является его основным значением). В тех случаях, когда пер-

вый предложный падеж противопоставляется второму предложному, его могут называть «изъяснительным» падежом (см.: Богородицкий, 1935, с. 115). Поскольку у большинства существительных нет такого противопоставления, термин этот не представляется удачным. Название «предложный падеж» восходит к грамматике Ломоносова.

¹⁴⁶ Ср. у Ломоносова: «Предложный единственный падеж *ѣ* перемняет часто на *у*, когда значит место и время, а особливо тех имен, которые *у* в родительном имеют: *берегъ, на берегу; верхъ, на верху; низъ, въ низу; на лугу; въ вечеру; въ нынѣшнемъ вѣку; на песку; въ шестомъ часу; въ полку*. Вычитаются некоторые татарские и другие иностранные: *на караулѣ; на базарѣ; на пикетѣ; въ кармазинѣ; на кипарисѣ*» («Российская грамматика», § 188, см.: Ломоносов, VII, с. 460).

¹⁴⁷ Ср.: «Под влиянием основ на -й и основы на -о проникло окончание -у в местн[ом] ед[инственного]; но сохранилось такое -у вообще только там, где форма местн[ого] ед[инственного] отличалась от формы дат[ельного] ед[инственного]» (Шахматов, 1925, с. 105, ср. с. 106).

¹⁴⁸ Якобсон, 1985, с. 167. Ср.: «определяемая форма местн[ого] ед[инственного] чаще имеет окончание -е, чем неопределяемая..., хотя необходимо заметить, что окончание -у известно и в определяемой форме: “в платяном шкапу”, “на моем веку”, “в высшем кругу”, “в великом посту”» (Шахматов, 1925, с. 105); «предлоги *в* и *на* часто не требуют за собой формы местного падежа с ударением на окончании, когда отделены от этой формы определяющим словом: “в моей *крѳви*”, “на слоновой *кѳсти*”, “в мытой *шерсти*”, “на железной *ѳси*”; но — “в моей *грудѳ*”, “в этой *пыли, грязи*”» (там же, с. 123; ср.: Шахматов, III, с. 381). Следует признать неточным утверждение Ворта: «атрибутивные прилагательные легко сочетаются с род. I [первым родительным] и местн. I [первым предложным], но не сочетаются с род. II [вторым родительным] и местн. II [вторым предложным]» (Ворт, 1998, с. 9).

¹⁴⁹ Ср.: Ворт, 1998, с. 8—9.

¹⁵⁰ Речь идет вообще не о регулярном правиле, но скорее о тенденции: введение определения способствует преобразованию такого рода, хотя оно (такое преобразование) и не всегда имеет место. Понятно, почему речь не может идти в данном случае о правиле: адъективное сочетание может восприниматься как единое целое, которое подчиняется тем же законам, что и существительное, составляющее его ядро.

¹⁵¹ Этот пример приводит и Шахматов, демонстрируя, как и Якобсон, преобразование формы второго предложного в соответствующую форму первого предложного при введении определения: *в гробу́, но в деревянном гробе* (Шахматов, 1925, с. 105).

¹⁵² Ср. еще примеры у В. И. Чернышева: *на берегу — на самом берегу; на ветру — на сквозном ветре; в году — в прошлом годе; на лбу, на горячем лбу — в чистом холодном лбе* («два определения вызвали форму на -е», — замечает Чернышев); *в порту — в военном порте; на пруду — на этом-то пруде; в саду — в страшном саде; на суку — на том самом суке* (Чернышев, II, с. 49).

¹⁵³ У Лескова читаем: «*в темном угле церкви*» («Смех и горе» — Лесков, III, с. 443—444); сейчас мы бы сказали: «*в темном углу*». Появление формы первого предложного падежа обусловлено, очевидно, наличием специфицирующего определения; точно так же в свое время говорили *в углу, но в своем угле* (Чернышев, II, с. 49). В настоящее время этот фактор не действует и мы употребляем форму второго предложного: мы говорим *в темном углу, в своем углу*, поскольку в значении местного падежа форма второго предложного (*углу́*) практически вытеснила соответствующую форму первого предложного (*углѣ́*).

¹⁵⁴ Л. А. Булаховский (II, с. 60) объясняет форму *в угле* у Тургенева как диалектизм; с равным успехом можно трактовать ее как архаизм. Булаховский не дает ссылки; он может иметь в виду фразу из «Дворянского гнезда» (гл. XIX): «...маленькая комната с голыми стенами и тяжелым китом *в угле*» (Тургенев, VI, с. 62) или же из поэмы «Андрей» (ч. I, 45): «...Там *в угле* // Она платок забыла на столе» (Тур-

гнев, I, с. 129). Ср. еще у Толстого: «Она [Китти] была на угле [катка]...» («Анна Каренина», ч. I, гл. 9 — Толстой, VIII, с. 30); у Лескова: «...остановился в угле пред иконой» («Соборяне», ч. V, гл. 1 — Лесков, IV, с. 266); у Герцена («Молодой человек вечером на улице в угле нашел портфель» («Письма из Франции и Италии», VII — Герцен, V, с. 119). Радищев в одном и том же отрывке употребляет как ту, так и другую форму, по-видимому, свободно их варьируя: «Некоторые писатели, представив себе мысленные линии, по человеческому образу проведенные, находили в большем или меньшем угле, от пресечения сих линий происходящем, различие человека от других животных, даже различие между народами; а известный Лафатер, в угле, также мысленно начертанном, не токмо находил различие разумов между людей, но оное выдавал за непреложное правило... В угле, где пресекаются сии линии, он [Кампер] находит различие животных от человека» («О человеке, о его смертности и бессмертии», ч. I — Радищев, II, с. 50).

¹⁵⁵ Конструкция *я был в одном саду* возможна, но слово *один* не имеет в этом случае количественного значения, т. е. не является числительным в собственном смысле. Так, например, фраза *я был в одном саду* может означать 'я был только (всего лишь) в одном саду'. В этом значении слово *один* имеет форму множественного числа *одни*, которая согласуется с существительным во множественном числе, ср.: *я был в одних только садах* (и не был, например, в полях, лесах и т. д.), где сады противопоставляются не-садам (в отличие от фразы *я был в одном саде* здесь нет количественного противопоставления). Равным образом слово *один* во фразе *я был в одном саду* может иметь значение неопределенного артикля, т. е. данная фраза может означать 'я был в некоем саду'.

В настоящее время обычно говорят *ни в одном глазу* (выражение, означающее полную степень трезвости), однако еще в первой половине XX в. говорили *ни в одном глазе* (Чернышев, II, с. 48; Шахматов, 1925, с. 105); в словаре Ушакова приводятся обе формы, но основной признается форма *ни в одном глазе* (см.: Ушаков, I, стлб. 566). Мы

говорим *ни в одном глазу*, поскольку все выражение воспринимается как связанная фразеологическая конструкция, из которой не вычленяется компонент *один*.

¹⁵⁶ Отмечено Ломоносовым в «Российской грамматике» (см. выше, примеч. 3).

¹⁵⁷ Ср., однако, в фольклорных текстах (ср.: Обнорский, I, с. 118, 126): «Чтобы ты с утра да был ранёшенько // Шол бы на мосточик на Волховой... // А на тоём *мосточику* на Волховом» в былинне «Василий Буслаевич» (Гильфердинг, I, с. 405, № 54), «На дубу *дубочку* // Сидит голубочик» в народной песне (Колосов, 1877, с. 181); форма *дубочку* явно появляется под влиянием формы *дубу* как ее вариативное повторение. По-видимому, такого рода формы возникают под воздействием других уменьшительных форм, представленных в соответствующем тексте (*мосточик* — *мосточику*; *дубочку* — *голубочик*).

Формы *в сарайчику*, *на столику* и т. п. зафиксированы в русских говорах — в основном, юго-западной диалектной зоны (см.: Диалект. атлас, 1989, карта № 16), прилегающей к Украине, где такого рода формы обычны (ср.: Дурново, 1924, с. 304, § 451). Остается неизвестным, однако, различаются ли в этих говорах формы первого и второго предложного падежа (см. в этой связи: Бромлей и Булатова, 1972, с. 72; ср.: Булатова, 1989, с. 89).

¹⁵⁸ Обе формы встречаются у Пушкина. Ср.: «И там, расположась в уютном *уголке*» («Лицинию») и «Девицы шепчут в *уголку*» («Евгений Онегин», V, 35) (Пушкин, II, с. 12; Пушкин, VI, с. 113).

¹⁵⁹ В современном орфоэпическом словаре форма *бережку́* указана как единственная форма второго предложного, форма *уголку́* — как дополнительная к *уголке́* (Борунова, Воронцова, Еськова, 1983, с. 42, 595). Ср. еще *бочку́* и *мыску́* (Зализняк, 1967, с. 286, 309), а также устаревшие формы *на волоску* («...от смерти на волоску» — Фонвизин, «Недоросль», акт II, явл. 4; «...на волоску держится» — Лажечников, I, с. 207), *на ветерку* (Лесков, «Захудалый род» — Лесков, V, с. 14) (см.: Чернышев, II, с. 35).

¹⁶⁰ По словам Шахматова, «местн[ый] ед[инственного] в уголку с таким окончанием можно объяснить только влиянием со стороны в углу» (Шахматов, 1925, с. 95, ср. с. 106).

¹⁶¹ В данном случае во втором предложном падеже оказывается употребительной церковнославянская по своему происхождению форма — при том, что сам этот падеж является специфической чертой русского языка, отличающей его от стандартного церковнославянского. Это может объясняться как освоенностью данной (неполногласной) формы в русском языке, так и тем, что второй предложный падеж оказывается возможным в нестандартном (гибридном) церковнославянском языке, на котором писались оригинальные (а не воспроизводимые) русские книжные тексты (ср.: Живов, 1988, с. 54 сл.; Успенский, 1997а, с. 125—128).

Востоков в «Русской грамматике» перечисляет существительные, которые имеют форму второго предложного падежа, но не имеют формы первого предложного (Востоков, 1856, с. 30, § 29).

¹⁶² См.: Чернышев, II, с. 48.

¹⁶³ Приводимые далее примеры семантического противопоставления форм обоих предложных падежей по большей части заимствованы у Р. О. Якобсона (см.: Якобсон, 1985, с. 166—167).

¹⁶⁴ Ср.: «Вороны чего-то искали в снегу́, но корму в снегу́ не было» — «Художники чего-то ищут в сне́ге, но живописности в сне́ге нет» (Якобсон, 1985а, с. 193). Согласно Якобсону, «снег как носитель искомого свойства» (первый предложный) «противопоставлен снегу как просто месту поисков» (второй предложный).

¹⁶⁵ См.: Якобсон, 1985, с. 166. По словам Якобсона, в выражении *количество коньяка* слово *количество* «приобретает... семантический оттенок свойства, приписываемого предмету, тогда как *количество коньяку* обозначает лишь массу, простую дозировку».

¹⁶⁶ В тех случаях, когда форма второго предложного падежа узурпирует значение местного падежа (как это произошло, например, с формой *углу́*), противопоставленная

еи форма первого предложного падежа может приобретать особое значение. Так, форма *в угле́*, вообще говоря, неупотребительная в современном языке (см. выше), принята, если слово *угол* имеет значение математического термина (см.: Ушаков, IV, стлб. 882) или выступает в значении приюта, убежища, жилого помещения, ср.: *сижу в углу* (комнаты), но *сын не откажет матери в угле* (см.: Чернышев, II, с. 49). П. А. Вяземский в этом последнем значении может употреблять как *в угле́*, так и *в углу́*, ср.: «Без желаний прихотливых // Счастлив быть в угле своем» («К Кокошкину и Мерзлякову» — Вяземский, III/1, с. 53), «О суете мирской забудь в своем угле» («К перу моему» — там же, с. 122) — и, вместе с тем: «...В гостиной я невольник, // В углу своем себе я господин» («Прощание с халатом» — там же, с. 150). Аналогичные примеры можно найти у Бунина: «Мы тут с вами хоть землянку выкопаем, и то будем в своем угле» («Деревня») и «И непременно жить дома в своем углу, где-нибудь подальше ото всех» («Новый год»; цит. по: Плотникова-Робинсон, 1964, с. 201).

¹⁶⁷ Ср. также: *отличиться в бе́ге*, но *стрелять на бегу́*: в одном случае речь идет собственно о беге как виде спорта, в другом случае — о стрельбе в процессе бега. И здесь также форма второго предложного падежа имеет значение местонахождения, но при этом подразумевается нахождение не в пространстве, а во времени: речь идет о действии во время бега.

¹⁶⁸ По этой причине употребление второго предложного падежа невозможно в случае собственных имен. Мы говорим, например: «гулять в лесу», но «в “Лесе” Островского», «в вишневом саду», но «в “Вишневом саде”» и т. п. (см.: Плотникова-Робинсон, 1964, с. 187).

¹⁶⁹ Так, Ломоносов писал в «Российской грамматике» (§ 175, ср. § 188): «Время и место значащие существительные по большей части в родительном единственном на у склоняются: *базарь, базару; берегъ, берегу; верхъ, верху; низъ, низу; передъ, переду; задъ, заду; вечерь, вечеру и вечера; вѣкъ, вѣку и вѣка; карауль, карау-*

ду; лугъ, лугу и луга» (Ломоносов, VII, с. 458, ср. с. 460). Ср. также в материалах к «Российской грамматике»: «многия первообразныя имена нарицательныя место значащия, в родительном кончатся на у: берегъ, гу; верхъ, ху; доль, лу; домъ, му; задъ, ду; лугъ, гу; низъ, зу; наслѣгъ, гу; погость, ту; порогъ, гу; рынокъ, нку; слѣдъ, у; содомъ, му; ямъ, яму» (там же, с. 647).

¹⁷⁰ «Быть в шелку» буквально означает не просто быть одетым в шелк, но находиться внутри массы шелка (подобно тому, как можно быть в снегу, в пару и т. п.).

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- АИ, I—V — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I—V. СПб., 1841.
- Аванесов и Сидоров, 1945 — *Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров*. Очерк грамматики современного русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945.
- Барсов, 1981 — Российская грамматика *Антоня Алексеевича Барсова*. Подготовка текста и текстологический комментарий М. П. Тоболовой. Под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского. М., 1981.
- Белинский, I—XIII — *В. Г. Белинский*. Полное собрание сочинений, т. I—XIII. М., 1953—1959.
- Белова, 1995 — *О. В. Белова*. Грибы. — В изд.: «Славянские древности: Этнолингвистический словарь», под ред. Н. И. Толстого, т. I (А—Г). М., 1995 (с. 548—551).
- Бессонов, I—VI — Калеки переходные. Сборник стихов и исследование *П. А. Бессонова*, вып. I—VI. М., 1861—1864. Репринт: Farnborough (Gregg International Publishers), 1970.
- Бидер, Большаков, Еськова, I—II — *И. Г. Бидер, И. А. Большаков, Н. А. Еськова*. Формальная модель русской морфологии, ч. I—II. М., 1978 (= «Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике Ин-та русского языка АН СССР. Предварительные публикации», вып. 111—112).
- Богородицкий, 1935 — *В. А. Богородицкий*. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). Изд. 5-е, перераб. М.—Л., 1935.
- Борунова, Воронцова, Еськова, 1983 — [*С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова*]. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы около 63500 слов. М., 1983.

- Бромлей и Булатова, 1972 — С. Б. Бромлей, Л. Н. Булатова. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Булатова, 1989 — [Л. Н. Булатова]. Морфология: имена. — В изд.: «Русская диалектология», под ред. Л. Л. Касаткина. Изд. 2-е. М., 1989 (с. 82—103).
- Булаховский, I—II — Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века, т. I—II. Киев, 1941—1948.
- Булаховский, 1950 — Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3-е, испр. и доп. Киев, 1950.
- Буслаев, 1959 — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Виноградов, 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947.
- Виноградова, 1995 — Л. Н. Виноградова. Вода. — В изд.: «Славянские древности: Этнолингвистический словарь», под ред. Н. И. Толстого, т. I (А—Г). М., 1995 (с. 386—390).
- Владимов, I—IV — Георгий Владимов. Собрание сочинений в четырех томах, т. I—IV. М., 1998.
- Ворт, 1983 — Dean S. Worth. The Origins of Russian Grammar. Notes on the State of Russian Philology Before the Advent of Printed Grammars. Columbus, 1983 (= «University of California, Los Angeles. Slavic Studies», vol. 5).
- Ворт, 1985 — Dean S. Worth. Russian gen², loc² revisited. — В изд.: «Signs of Friendship: To Honour A. G. F. van Holk, Slavist, Linguist, Semiotician». Amsterdam, [1985] (p. 295—306).
- Ворт, 1998 — Дин С. Ворт. Второй винительный в современном русском литературном языке. — В изд.: «Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской». М., 1998 (с. 7—13).
- Востоков, 1856 — Александр Востоков. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. Изд. 9-е, испр. СПб., 1856.
- Вяземский, I—XII — П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. I—XII. СПб., 1878—1896.

- Герцен, I—XXX — *А. И. Герцен*. Собрание сочинений в тридцати томах, т. I—XXX. М., 1954—1966.
- Гильфердинг, I—III — *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г.* Изд. 2-е, т. I—III. СПб., 1894—1900 (= «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. LIX—XLI).
- Гоголь, I—XIV — *Н. В. Гоголь*. Полное собрание сочинений, т. I—XIV. [М.—Л.], 1937—1952.
- Горшкова и Хабургаев, 1981 — *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Грамоты, 1949 — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, Г. Е. Кочин, П. Б. Мюллер и Е. А. Рыздзевская под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.
- Граудина, 1964 — *Л. К. Граудина*. О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода. — В изд.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964 (с. 181—209).
- Граудина, 1964а — *Л. К. Граудина*. Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных — единиц измерения. — В изд.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964 (с. 210—221).
- Даль, I—IV — *Владимир Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, т. I—IV. СПб.—М., 1880—1882. Репринт: М., 1956.
- Даль-Бодуэн, I—IV — *Владимир Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, испр. и значительно доп. под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, т. I—IV. СПб.—М., 1903—1909. Репринт: М., 1994.
- Деяния соборов 1666—1667 гг. — *Дѣянiя московскихъ соборовъ 1666 и 1667 годов*. Изд. братства св. Петра митрополита. М., 1881. Репринт: Farnborough (Gregg International Publishers), 1969.
- Диалект. атлас, 1989 — *Диалектологический атлас русского языка (центр Европейской части СССР) в трех выпусках, вып. II. Морфология. Карты*. М., 1989.

- Доп. АИ, I—XII — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I—XII. СПб., 1846—1875.
- Достоевский, I—XXX — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. I—XXX. Л., 1972—1990.
- Дурново, 1924 — Николай Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924.
- Ельмслев, 1972 — Л. Ельмслев. О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности. — В изд.: «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972 (с. 114—152). Ср.: *Louis Hjelmslev. Animé et inanimé, personnel et non-personnel.* — В изд.: «Travaux de l'Institut de linguistique», vol. I. Paris, 1956.
- Есперсен, 1958 — О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958. Ср.: *Otto Jespersen. The Philosophy of Grammar.* København, 1924.
- Еськова, 1983 — Н. А. Еськова. Сведения о грамматических формах. — В изд.: Борунова, Воронцова, Еськова, 1983 (с. 685—702).
- Живов, 1986 — В. Живов. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник. — «*Russian Linguistics*», vol. X, 1986, № 1 (с. 73—113).
- Живов, 1988 — В. М. Живов. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков. — В изд.: «Актуальные проблемы славянского языкознания», под ред. К. В. Горшковой, Г. А. Хабургаева. М., 1988 (с. 49—98).
- Живов, 1992 — Виктор Живов. Из истории русской грамматики: итеративы и имперфективы в структуре глагольной парадигмы. — В изд.: «Доломоновский период русского литературного языка / The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language» (Материалы конференции на Фэгерудде, 20—25 мая 1989 г.). Editors: Anders Sjöberg, Ľubomír Ďurovič and Ulla Birgegård. Stockholm, 1992 (= «*Slavica Suecana*». Series B — Studies, vol. 1) (с. 247—270).

- Зализняк, 1964 — *А. А. Зализняк*. К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке. — «Вопросы языкознания», 1964, № 4 (с. 25—40).
- Зализняк, 1967 — *А. А. Зализняк*. Русское именное словоизменение. М., 1967. Репринт: М., 2002.
- Зализняк, 1990 — *Андрей Зализняк*. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания»). — В изд.: «Metody formalne w opisie języków słowiańskich», red. Zygmunt Saloni. Białystok, 1990 (= «Dissertationes Universitas Varsoviensis», 399) (с. 109—114).
- Зализняк, 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, перераб. М., 2004.
- Исаченко, I—II — *А. В. Исаченко*. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. Изд. 2-е, ч. I—II. Братислава, 1965.
- Исаченко, 1962 — *A. V. Isačenko*. Die russische Sprache der Gegenwart, Teil I. Formenlehre. Halle (Saale), 1962.
- Карамзин, 1984 — *Н. М. Карамзин*. Письма русского путешественника. Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л. 1984.
- Киреевский, I—IV — Песни, собранные *П. В. Киреевским*. Изданы Обществом любителей российской словесности, ч. I (Песни былевые: время Владимирово). Изд. 2-е, вып. I—IV. М., 1868—1879.
- Кленин, 1980 — *Emily Klenin*. Individuation: A Historical Case Study. — В изд.: «Morphosyntax in Slavic», ed. by C. V. Chvany and R. D. Brecht. Columbus, 1980 (p. 62—78).
- Колосов, 1877 — *М. А. Колосов*. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия. СПб., 1877 (= «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. XVII, № 3).
- Копиевич, 1700 — *Latina Grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Sclavonico-Rosseanae adornata. Studio, atque opera Eliae Kopiiewitz seu de Hasta Hastennii...* Amslelodami [sic!], 1700.

- Копиевич, 1706 — Рѣководеніе въ грамматыкѣ во славѣно-російскѣю, или Московскою. Ко оутребленію [sic!] оучащихсѣ языка Московскаго / *Manuductio in Grammaticam in Sclavonico Rosseanam seu Moscoviticam, in usum discentium linguam Moscoviticam. Per Eliam Kopijewitz adornata. Stoltzenbergii, 1706.*
- Короленко, I—V — *В. Г. Короленко. Собрание сочинений в пяти томах, т. I—V. Л., 1989—1990.*
- Котков, 1964 — *С. И. Котков. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.*
- Кузнецов, 1953 — *П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка: Морфология. М., 1953.*
- Кузнецов, 1958 — *П. С. Кузнецов. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.*
- Кузнецов, 1959 — *П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.*
- Кулиш, I—II — *П. Кулиш. Записки о Южной Руси, ч. I—II. СПб., 1856—1857.*
- Кулиш, 1861 — *П. Кулиш. Обзор украинской словесности, I. Климентий. — «Основа», 1861, январь (с. 159—234).*
- Лажечников, I—IV — *Иван Лажечников. Последний новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великаго. Изд. второе, с первого 1832 года, с исправлениями, ч. I—IV. М., 1833.*
- Лебедев, 1746 — Сокращеніе грамматики латинской, въ пользу учащагося латинскому языку Россійскаго юношества. Переведено чрезъ *Василья Лебедева*, переводчика при Академіи наукъ. СПб., 1746.
- Лесков, I—XI — *Н. С. Лесков. Собрание сочинений в одиннадцати томах, т. I—XI. М., 1956—1958.*
- Летопись Самовидца, 1878 — Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического». Издана Киевскою временною комиссіею для разбора древних актов [с введением Ореста Левицкого]. Киев, 1878.

- Ломоносов, І—ХІ — М. Б. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. I—XI. М. — Л., 1950—1983.
- Лопушанская, 1967 — С. П. Лопушанская. Очерки по истории глагольного формирования в русском языке, ч. I. Казань, 1967.
- Лудольф, 1696 — *Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica quæ contenet non tantum præcipua fundamenta Russicæ linguæ, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam...* Oxford, 1696. Репринт: Oxford, 1959.
- Марков, 1974 — В. М. Марков. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974.
- Некрасов, I—XI — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах, т. I—XI. Л., 1981—1990.
- Никифоров, 1952 — С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952.
- Новомбергский, I—II — Н. Новомбергский. Слово и Дело Государевы, т. I. — «Записки Московского археологического института» под ред. А. И. Успенского, т. XIV. М., 1911; т. II — «Известия имп. Томского университета», кн. XXXVI. Томск, 1910. Репринт: М., 2004.
- Обнорский, I—II — С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. I—II. Л., 1927—1931.
- Обнорский, 1913 — С. П. Обнорский. Одна особенность языка К. Н. Батюшкова. — В изд.: «Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от сослуживцев по имп. Публичной библиотеке». СПб., 1913 (с. 43—49).
- Обнорский и Бархударов, I—II — С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I (изд. 2-е). М., 1952; ч. II, вып. 1—2. М., 1948—1949.
- Оттен, 1978 — *Fred Otten. Materialien zur Vertretung des Verbalsuffixes -iva-, -yva- in der russischen Hochsprache des 16./17. Jahrhunderts (an Hand ausgewählter russischer Chroniken).* — «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XL, 1978, Hft. 1 (S. 9—51).

- Пеннингтон, 1980 — Grigorij Kotsohilis. O Rossii v carstvovanie Alekseja Michajloviča. Text and commentary. Edited and with commentary by A. E. Pennington. Oxford, 1980.
- Платон, I—III — Платон. Сочинения в трех томах, т. I—III. М., 1968—1972.
- Плотникова-Робинсон, 1964 — [В. А. Плотникова-Робинсон]. Изменения в употреблении падежных форм существительных. — В изд.: «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века». М., 1964 (= «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века», под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой, т. [I]) (с. 163—277).
- Поликарпов, 2000 — Федор Поликарпов. Технологія. Искусство грамматики. Изд. и иссл. Е. Бабаевой. СПб., 2000.
- Потебня, I—IV — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—IV. М., 1958—1985.
- Потебня, 1888 — А. Аф. Потебня. Значение множественного числа в русском языке. Воронеж, 1888. Отд. оттиск из «Филологических записок».
- ПСРЛ, I—XLIII — Полное собрание русских летописей, т. I—XLIII. СПб. / Пг. / Л.—М., 1841—2004.
- Пушкин, I—XVI — [А. С.] Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I—XVI. [М.—Л.], 1937—1949. Справочный том: [М.—Л.], 1959.
- Радищев, I—II — А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. I—III. М.—Л., 1938—1952.
- РИБ, I—XXXIX — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, т. I—XXXIX. СПб. (Пг./Л.), 1872—1927.
- Ротстейн, 1977 — Robert A. Rothstein. A Note on Grammatical Metonymy in Russian. — «Folia Slavica», vol. I, 1977 (p. 96—100).
- Рыбников, I—III — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е под ред. А. Е. Грузинского, т. I—III. М., 1909—1910.

- Серенсен, 1958 — *Hans Chr. Sørensen*. Zum russischen Genitiv auf *-a* und *-y* in 17. Jahrh. — «Scando-Slavica», t. IV. Copenhagen, 1958 (S. 210—238).
- Словарь цел. и рус. яз., I—IV — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением имп. Академии наук. Изд. 2-е, т. I—IV. СПб., 1867—1868.
- Соболевский, 1907 — *А. И. Соболевский*. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907. Репринт в изд.: *А. И. Соболевский*. Труды по истории русского языка, т. I. Очерки из истории русского языка, Лекции по истории русского языка. М., 2004.
- Сойе, I—II — *Jean Sohier*. Grammaire et Methode Russes et Françaises. 1724. Факсимильное издание под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского, [vol.] I—II. München, 1987 (= «Specimina philologiae slavicae», Bd. 69).
- Сухово-Кобылин, 1927 — *А. В. Сухово-Кобылин*. Трилогия («Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина») (под ред. Л. П. Гроссмана). М.—Л., 1927.
- Тимберлейк, 1975 — *Alan Timberlake*. Hierarchies in the Genitive of Negation. — «Slavic and East European Journal», vol. 19, 1975, no. 2 (p. 123—138).
- Толстой, I—XV — *Л. Н. Толстой*. Полное собрание художественных произведений (под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума), т. I—XV. М.—Л., 1929—1930.
- Торндаль, 1974 — *William Thorndahl*. Genetivens og lokativens *-y/-ю* endelser i russiske middelaldertekster. København, 1974 (= «Københavns universitets slaviske institut. Studier», 3).
- Третьяков, I—III — [В. К.] *Тредьяковский*. Сочинения, т. I—III. СПб., 1849 («Полное собрание сочинений русских авторов. Издание Александра Смирдина»).
- Трубецкой, 1960 — *Н. С. Трубецкой*. Основы фонологии. М., 2000. Ср.: *N. S. Trubetzkoy*. Grundzüge der Phonetik. — В изд.: «Travaux du Cercle linguistique de Prague», t. VII. Prague, 1938.
- Тургенев, I—XII — *И. С. Тургенев*. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Изд. 2-е, испр. и доп.

- Сочинения в двенадцати томах, т. I—XII. М., 1978—1986.
- Унбегаун, 1935 — *Boris Unbegaun*. La langue russe au XVIe siècle (1500—1550), I. La flexion des noms. Paris, 1935 (= «Bibliothèque de l'Institut français de Léningrad continuée par la bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves», t. XVI).
- Успенский, 1987 — *Б. А. Успенский*. Предисловие. — В изд.: Соје, I (с. III—XXXVI).
- Успенский, 1988 — *Б. А. Успенский*. Одна из первых грамматик русского языка (Грамматика Жана Соје 1724 г.). — «Вопросы языкознания», 1988, № 1 (с. 94—109).
- Успенский, 1989 — *Б. А. Успенский*. Неизвестная русская грамматика петровской эпохи (Грамматика Ивана Афанасьева 1725 г.). — «Russian Linguistics», vol. XIII, 1989, № 3 (с. 221—244).
- Успенский, 1994 — *Б. А. Успенский*. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.
- Успенский, 1997 — *Б. А. Успенский*. Доломоносовские грамматики русского языка (итоги и перспективы). — В изд.: *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. III. Общее и славянское языкознание. М., 1997 (с. 437—572).
- Успенский, 1997а — *Б. А. Успенский*. История русского литературного языка как межславянская дисциплина. — В изд.: *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. III. Общее и славянское языкознание. М., 1997 (с. 121—142).
- Успенский, 1998 — *Б. А. Успенский*. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Успенский, 2000 — *Борис Успенский*. Поэтика композиции. [Изд. 3-е]. СПб., 2000.
- Успенский, 2002 — *Б. А. Успенский*. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002.
- В. Успенский, 2002 — *В. А. Успенский*. О вещных коннотациях абстрактных существительных. — В изд.: *Вла-*

- димир Успенский. Труды по нематематике, т. I. М., 2002 (с. 447—452).
- Ушаков, I—IV — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. I—IV. М., 1935—1940.
- Черных, 1953 — П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953.
- Чернышев, I—II — В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики. Изд. 2-е, испр. и доп., вып. I—II. СПб., 1913—1915.
- Шахматов, I—III — А. А. Шахматов. Курс истории русского языка (читан в СПб. Университете в 1910—1911 г.), ч. I—III. Литограф. изд. [СПб., 1911].
- Шахматов, 1903 — А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. I—II. СПб., 1903 (= «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3).
- Шахматов, 1925 — А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925.
- Шахматов, 1941 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л., 1941.
- Шахматов, 1957 — А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Шванвиц, 1730 — [М. Шванвиц / М. Schwanwitz]. Нѣмецкая грамматика изъ разныхъ авторовъ собрана и российской юности въ пользу издана отъ учителя немецкаго языка при Санктъ Петербургской гимназии. Die Teutsche Grammatica aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. [СПб.], 1730.
- Шевелева, 1993 — М. Н. Шевелева. Аномальные церковнославянские формы с глаголом *быти* и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной основы). — В изд.: «Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г. А. Хабургаева». М., 1993 (с. 135—155).
- Юшманов, 1933 — Н. В. Юшманов. Грамматика иностранных слов. — В изд.: «Словарь иностранных слов, во-

- шедших в русский язык». Под ред. Т. М. Капельзона. М., 1933.
- Ягич, 1896 — *Codex slovenicus rerum grammaticarum*. Edidit *V. Jagić* / Разсуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Собрал и объяснил *И. В. Ягич*. Petropoli, 1896. Оттиск из «Исследований по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895. Репринт: München, 1968 (= «*Slavische Propyläen*», Bd. 25).
- Якобсон, 1985 — *Р. О. Якобсон*. К общему учению о падеже: Общее значение русского падежа. — В изд.: *Роман Якобсон*. Избранные работы. М., 1985 (с. 133—175). Ср.: *R. Jakobson*. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. — В изд.: «*Travaux du Cercle linguistique de Prague*», t. VI. Prague, 1936.
- Якобсон, 1985а — *Р. О. Якобсон*. Морфологические наблюдения над славянским склонением (Состав русских падежных форм). — В изд.: *Роман Якобсон*. Избранные работы. М., 1985 (с. 176—197).

Борис Андреевич Успенский

ЧАСТЬ И ЦЕЛОЕ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки
Нatalьи Прокуратовой и Сергея Жигалкина

Корректор М. Н. Григорян

Художественный консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 18.09.2004. Формат 84 × 108^{1/32}.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 3,52. Тираж 1000 экз. Заказ № 4396.

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc@comtv.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»

Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.

214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: (095) 247-17-57, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс»)

Foreign customers may order this publication

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153)

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

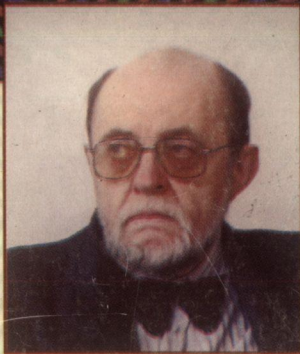
- В. Айрапетян.** Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. 496 с. 2001.
- В. М. Алпатов.** История лингвистических учений. 368 с. 2001.
- В. С. Баевский.** Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. 336 с. 2001.
- А. В. Бондарко.** Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. 736 с. 2002.
- Е. А. Боратынский.** Полное собрание сочинений и писем: В 4 т.
Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов. 512 с. 2002.
Т. 2. Стихотворения 1823–1834 годов. 440 с. 2002.
- Ф. И. Буслаев.** Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков / Сост. Б. А. Успенский. 856 с. 2004.
- В. В. Вейдле.** Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. 456 с. 2002.
- М. М. Гиришман.** Литературное произведение: Теория художественной целостности. 528 с. 2002.
- С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин.** Словарь языка русских жестов. 256 с. 2001.
- Г. А. Гуковский.** Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. 352 с. 2001.
- Н. Н. Дурново.** Избранные работы по истории русского языка. 816 с. 2000.
- В. М. Живов.** Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. 760 с. 2002.
- В. А. Жуковский.** Полное собрание сочинений: В 20 т.
Т. I. Стихотворения 1797–1814 годов. 760 с. 1999.
Т. II. Стихотворения 1815–1852 годов. 840 с. 2000.
Т. XIII. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. 608 с. 2004.

- А. А. Зализняк.** Древненовгородский диалект – 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. 872 с. 2004.
- А. А. Зализняк.** «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. 2002. – I–VIII, 752 с. 2002.
- А. А. Зализняк.** «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. 352 с. 2004.
- Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.** Введение в русскую аспектологию. 226 с. 2000.
- Вяч. Вс. Иванов.** Избранные труды по семиотике и истории культуры.
- Т. I. 912 с. 1998.
- Т. II. 880 с. 2000.
- Т. III. 880 с. 2004.
- Вяч. Вс. Иванов.** Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. 208 с. 2004.
- С. А. Иванов.** Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» миссионера? 376 с. 2003.
- Из истории русской культуры.
- Т. I. Древняя Русь. 760 с. 2000.
- Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. 944 с. 2002.
- Т. III. XVII век. 768 с. 1995.
- Т. IV. XVIII – начало XIX века. 832 с. 1996.
- Т. V. XIX век. 848 с. 1996.
- А. В. Исаченко.** Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Части 1–2, 880 с. 2003.
- С. Д. Кацнельсон.** Категории языка и мышления: Из научного наследия. 864 с. 2001.
- Т. Леннгрен.** Сборник Нила Сорского.
- Ч. 1. 472 с. 2000.
- Ч. 2. 512 с. 2002.
- Ч. 3. 584 с. 2003.
- П. Е. Лукин.** Письмена и православие. 376 с. 2001.

- Н. А. Любимов.** Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. В 3 т.
Т. I. 416 с. 2000.
Т. II. 416 с. 2004.
- К. А. Максимович.** Пандекты Никона Черногорца. 296 с. 1998.
- А. В. Михайлов.** Обратный перевод. 856 с. 2000.
- А. В. Михайлов.** Языки культур. 912 с. 1997.
- Мир Велимира Хлебникова. 880 с. 2000.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка /
Под ред. акад. Ю. Д. Апресяна.
Вып. 1. 552 с. 1997.
Вып. 2. 488 с. 2000.
Вып. 3. 624 с. 2003.
- Ю. Г. Оксман – К. И. Чуковский.** Переписка. 1949–1969 / Предисл.
и коммент. А. Л. Гришунина. 192 с. 2001.
- Е. В. Падучева.** Динамические модели в семантике лексики.
608 с. 2004.
- Н. В. Перцов.** Инварианты в русском словоизменении. 280 с.
2001.
- А. М. Пешковский.** Русский синтаксис в научном освещении. 544
с. 2001.
- Р. Пиккио.** Древнерусская литература. 352 с. 2002.
- Л. В. Пумпянский.** Классическая традиция. 864 с. 2000.
- А. С. Пушкин.** Тень Баркова. 496 с. 2002.
- Русский язык в научном освещении. № 1. 2001. (Языки славян-
ской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 2. 2001. (Языки славян-
ской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 1(3). 2002. (Языки сла-
вянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 2(3). 2002. (Языки сла-
вянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 1(5). 2003. (Языки сла-
вянской культуры: ИРЯ РАН).

- Русский язык в научном освещении. № 2(6). 2003. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 1(7). 2004. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Сб. ст. 480 с. 2000.
- В. В. Седов.** Славяне: Историко-археологическое исследование. 624 с. 2002.
- А. М. Селищев.** Труды по русскому языку. Т. I. 632 с. 2003.
- Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т. М. Николаева. 560 с. 2002.
- Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. 648 с. 2001.
- Дж. Смит.** Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. 528 с. 2002.
- А. И. Соболевский.** Труды по истории русского языка. Т. I. 712 с. 2004.
- Ж. Старобинский.** Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. I. 528 с. 2002. Т. II. 600 с. 2002.
- В. Н. Топоров.** Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. I. 912 с. 2001. Кн. II. 928 с. 2003.
- В. Н. Топоров.** Исследования по этимологии и семантике. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. 816 с. 2004.
- Я. Ульфелдт.** Путешествие в Россию. 616 с. 2002.
- Ф. Б. Успенский.** Имя и власть. 144 с. 2001.
- Ф. Б. Успенский.** Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. 456 с. 2002.
- А. А. Формозов.** Пушкин и древности: Записки археолога. 144 с. 2000.

- М. О. Чудакова.** Литература советского прошлого. 1. 1. 4/2 с. 2001.
- М. И. Шапир.** UNIVERSUM VERSUS: ЯЗЫК–СТИХ–СМЫСЛ в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 1. 544 с. 2000.
- А. Д. Шмелев.** Русская языковая модель мира. 224 с. 2002.
- Д. Н. Шмелев.** Избранные труды по русскому языку. 888 с. 2002.
- Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев.** Русский анекдот: Текст и речевой жанр. 144 с. 2002.
- Дж. Т. Шоу.** Конкорданс к стихам А. С. Пушкина. Т. 1–2.
Т. 1. 672 с. 2000.
Т. 2. 640 с. 2000.
- Дж. Т. Шоу.** Поэтика неожиданного у Пушкина. 456 с. 2002.
- Е. М. Юхименко.** Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература.
Т. I. 544 с. 2002.
Т. II. 480 с. 2002.
- Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова.** 600 с. 2001.
- Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты.** 496 с. 2001.
- Т. Е. Янко.** Коммуникативные стратегии русской речи. 384 с. 2001.

Борис Андреевич Успенский, филолог. Родился в 1937 г. в Москве, в 1960 г. окончил Московский университет (по кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания). В 1977—1982 гг. — профессор Московского университета; в течение ряда лет преподавал в США (Гарвардский и Корнелльский университеты) и в Австрии (Венский и Грацский университеты). В настоящее время является профессором неаполитанского Восточного университета. Действительный член Европейской академии наук, иностранный член Австрийской и Норвежской академий, член лундского Королевского общества гуманитарных исследований и ряда других ученых обществ. *Doctor honoris causa* Российского государственного гуманитарного университета и Университета им. Константина Преславского (Болгария). В издательстве «Языки славянской культуры» вышли три тома «Избранных трудов» Б. А. Успенского и несколько его монографий.